

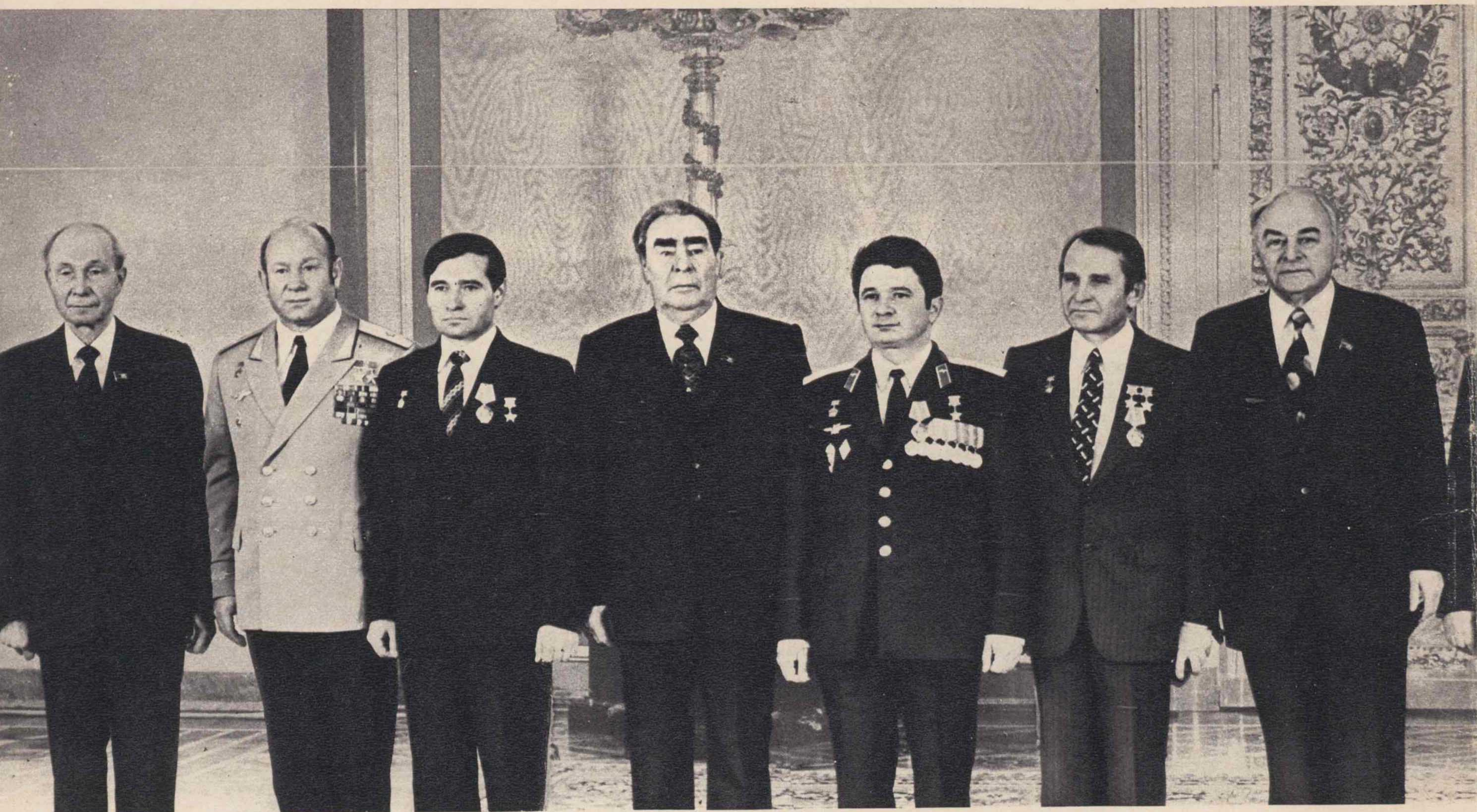
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 1 ЯНВАРЬ 1981

*С Новым
годом!*

Во время вручения наград.

ЗА УСПЕШНЫЕ ИСПЫТАНИЯ В

24 декабря в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил космонавтам Л. Д. Кизиму, О. Г. Макарову и Г. М. Стрекалову высокие награды Родины. При вручении наград выступил Л. И. Брежнев. Он, в частности, сказал:

— Столь насыщенного года у нас еще не было. Все, кто причастен к этому — ученые, инженеры, медики, рабочие и, конечно же, наши герои-космонавты, — могут с удовлетворением сказать, что свою пятилетку они завершают с честью.

Самым непосредственным образом это касается товарищей Кизима, Макарова и Стрекалова, которые недавно вернулись из ответственного испытательного полета.

Испытание новой техники всегда дело непростое, а в условиях космоса оно бывает связано и с неизведанными опасностями.

Успешный космический рейс наших героев означает, что серия современных транспортных кораблей «Союз Т» пришла на смену прежним системам. Мы теперь располагаем отличной просторной машиной для новых далеких полетов. Добавлю, машиной умной.

Весьма характерно, что и орбитальная станция «Салют-6» оказалась надежным и удобным

космическим домом. Наши космонавты выполнили на ней некоторые ремонтные работы. Теперь уже очевидно, что по своей долговечности станция превзошла самые оптимистические ожидания...

Родина достойно отмечает героев. За успешное испытание усовершенствованного космического корабля «Союз Т-3» и выполнение программы работ на орбитальной станции «Салют-6», за мужество и героизм высокое звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» присваивается Кизиму Леониду Денисовичу и Стрекалову Геннадию Михайловичу. Дважды Герой Советского Союза Макаров Олег Григорьевич, совершивший четвертый космический полет, награждается орденом Ленина.

Обращаясь к Леониду Ильичу, Л. Д. Кизим, в частности, сказал:

— Полет научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз Т-3» — «Прогресс-11» — это трудовой подарок всего советского народа XXVI съезду родной Коммунистической партии Советского Союза. Планы партии на предстоящее пятилетие вдохновляют нас на новые трудовые победы в космосе.

Г. М. Стрекалов выразил сердечную благодарность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советско-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 1 (2790)

1 ЯНВАРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

Фото С. Гурария

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПНР Ю. ЧИРЕКА

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял 26 декабря в Кремле члена ЦК ПОРП, министра иностранных дел Польской Народной Республики Юзефа Чирека, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

С обеих сторон было выражено удовлетворение итогами московской встречи руководящих деятелей государств — участников Варшавского Договора, подтверждено искреннее стремление Советского Союза и социалистической Польши и впредь вносить вклад в оздоровление международного климата, в продолжение политики разрядки.

Обсуждались вопросы, связанные с дальнейшим развитием и совершенствованием всестороннего сотрудничества между СССР и

ПНР, некоторые актуальные проблемы международных отношений, представляющие взаимный интерес.

В этой связи были решительно осуждены попытки империалистических и других реакционных кругов вести подрывную работу против социалистической Польши, вмешиваться в ее внутренние дела и ее союзнические отношения, основанные на принципах социалистического интернационализма.

Л. И. Брежнев пожелал трудящимся Польши быстрее преодоления возникших на пути социалистического развития трудностей и выразил уверенность, что под руководством Польской объединенной рабочей партии эта задача будет выполнена.

Беседа прошла в теплой, сердечной обстановке.

На беседе присутствовали посол СССР в ПНР Б. И. Аристов и посол ПНР в СССР К. Ольшевский.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

КОСМОСЕ

му правительству, лично товарищу Л. И. Брежневу за высокую оценку труда космонавтов.

Космические корабли новой серии «Союз Т», сказал он, совместно с долговременной орбитальной станцией «Салют» позволят значительно расширить диапазон научных и технических работ в космосе во имя прогресса науки и техники.

В своем выступлении О. Г. Макаров отметил: Мы рассматриваем наш труд как малую часть труда нашего великого народа... Мы сделаем все для того, чтобы мощь нашей Родины росла, чтобы наша советская наука успешно развивалась.

Космонавты вручили Леониду Ильичу Брежневу свидетельство о полете экипажа на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз Т-3» — «Прогресс-11».

При вручении наград были кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-майор авиации А. А. Леонов, другие официальные лица.

Фото А. БОЧИНИНА

Первый год

Владимир МАТВЕЕВ

Мысленно давай, товарищ, выйдем
На просторы, где душа поет,—
И еще отчетливей увидим
Светлое грядущее свое.

Будем в каждом деле совершенней —
И стране победы принесет
Год великих планов и свершений,
Новой пятилетки первый год.

Ждут победы тружеников славных
На пути, что верен до конца,
Строгую реальность наших планов
Пропустили мы через сердца.

Открывает даль широким жестом
Славной пятилетки первый год —
Вехою Двадцать шестого съезда
Гордо он в историю войдет.

МОГУЧАЯ ПОСТУПЬ

Василий ПАЛЁНОВ

У каждого десятилетия, у каждой пятилетки — свое знамя, свой пароль, на который всегда отзовется сердце, бывшее в унисон с сердцами героев тех лет. Скажи: Магнитка, Кузнецкстрой, Днепрогэс, — и, гордо вскинув седые головы, встанут ветераны, чья молодость выпала на незабываемые годы первых пятилеток.

...Тридцатые годы. Вот какая телеграмма пришла однажды директору Магнитостроя: «Я — ударник. Имею премии за хорошую работу. Желая буксировать Магнитострой. Иначе поступить не могу. Прошу вашего распоряжения прибыть на мировой гигант. Ответа не пишите, потому что наша бригада уже снялась с места и едет до вас».

Не забудем — речь идет о первых пятилетках. Что ожидало добровольца, пожелавшего «буксировать» мировой гигант? Скорее всего, лопата и тачка, почти наверняка, особенно в первое время, отсутствие крыши над головой. Но он «снялся с места и поехал».

...Семидесятые годы. Эстафета магнитогорского парня дошла до группомсорга бригады шоферов из Усть-Илимска В. Рамуса. На XVI съезде ВЛКСМ он сказал:

«Прошлым летом, накануне перекрытия. Ангарты, кто-то написал прямо на скале: «Нам речки прудить не ново!» Могут подумать — слишком лихо, Ангарты готовы шапками закидать. А мы не шапками, у нас в руках мощная современная техника, в сердцах комсомольское мужество плюс опыт и поддержка старших товарищей-коммунистов... Ангарты в третий раз после Иркутска и Братска покорилась воле и разуму человека. Перекрытие завершилось в рекордно короткие сроки — за 44 часа, на трое суток раньше намеченного».

Четыре десятилетия разделяют эти два документа. А между ними в строку могли бы лечь сотни, тысячи других, которые так же ярко и образно рисуют облик советского человека, строителя пятилеток, преемника всех лучших традиций прошлых поколений.

На сооружении гигантской электростанции — Красноярской — провели исследование. Строителям была роздана тысяча листовок с анкетой, на вопросы которой когда-то отвечал Карл Маркс.

Тысячи листовок ушли в бригады чистенькими, только что из-под типографского станка. А вер-

нулись — будто со строителями разных профессий смену отработали: в глине, в бетоне, в машинном масле. Потому что заполняли их на гребне плотины, в кабине самосвалов, на штабелях леса.

Бригадир Федор Вологдин на вопрос о счастье ответил: «Быть полезным людям». Инженер С. Малиновский написал, что ленинский план электрификации России стал его личной судьбой. И это действительно так. Позади у него — Волховская, Свирские, Иркутская ГЭС...

В каждой анкете — масштабность чувств и мыслей, живое ощущение личной причастности ко всему, что происходило и происходит в стране. И как бы далеко ни ушли мы вперед, взор всегда возвращается к истоку. Ведь столь впечатляющие цифры юбилейного, десятого пятилетнего плана стали возможными лишь потому, что они выросли из скромных, по нашим сегодняшним понятиям, цифр плана первой, второй, третьей...

Сошлемся на совсем близкий пример. «Ввести в действие Камский комплекс заводов по производству большегрузных автомобилей» — было записано в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». И он был пущен, этот громадный автогигант! Сейчас, когда над Камой встали кварталы города-красавца, когда огромные цехи наполнены гулом станков, это воспринимается как естественный результат труда работающих здесь людей.

А ведь мы помним Набережные Челны две пятилетки назад. Работа «Ан-2», доставивший первопроходцев, после приземления подкатил к высокому крылечку бревенчатого здания аэропорта. Слово «Набережные» еще кое-как угадывалось под снежной бахромой, а «Челны» надежно прикрыл наметанный на фронтонике сугроб. Таким же сугробом была переметена дорога. Топились печи в брусчатых домах.

А вслед за КамАЗом — флагман советского атомного машиностроения — «Атоммаш». Замыслы исследователей, проектировщиков и технологов воплощаются в жизнь. И в проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии легли строчки: «Ввести в действие мощности на Ростовской АЭС, заводе «Атоммаш»...»

Подобных записей в проекте ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», который сейчас широко и заинтересованно обсуждают трудящиеся страны, не счесть. Записей масштабных, реальных, основанных на

точном расчете. Вот лишь некоторые из них: «Открыть движение поездов на всем протяжении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». «Ввести в действие производственные мощности на Тобольском нефтехимическом комбинате, Томском химическом заводе и сургутских ГРЭС». «Продолжить строительство Дунай-Днестровской оросительной системы, второй очереди канала Днепр — Донбасс, начать сооружение третьей очереди Северо-Крымского канала и первой очереди Приазовской оросительной системы». «Завершить расширение завода сельскохозяйственных машин в г. Гомеле и Брестского коврово-суконного комбината». «В Павлодар-Экибастузском территориально-производственном комплексе наращивать добычу угля, производство глинозема, продолжить сооружение крупных ГРЭС мощностью по 4 млн. киловатт, ввести в действие вторую очередь нефтеперерабатывающего завода...»

Все это ради высшей цели партии — неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни народа, создания лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей. Заботой о человеке проникнут весь партийный документ, в котором творчески обобщена практика коммунистического строительства в нашей стране, учтен опыт других стран социализма, воплощена стратегия и тактика КПСС по важнейшим вопросам экономического, социального и духовного развития СССР с учетом условий восьмидесяти годов нынешнего века.

Задания партии на новую пятилетку, на новое десятилетие — это логическое продолжение прошедшего динамичного десятилетия, экономической стратегии КПСС в новых условиях. За минувшее десятилетие продолжался устойчивый рост экономического и научно-технического потенциала нашей Родины, возможностей промышленности и сельского хозяйства. Страна шагнула далеко вперед.

Вот некоторые обобщенные данные по уходящей в историю пятилетке. По сравнению с предыдущей в пятилетке десятой национального дохода произведено больше почти на 400 миллиардов рублей, промышленной продукции — на 717 миллиардов и продукции сельского хозяйства — на 50 миллиардов рублей. Введено в строй более 1200 крупных промышленных предприятий. Выпуск

товаров народного потребления возрос на 21 процент, в том числе товаров культурно-бытового назначения — на 41 процент, шире стал ассортимент изделий, улучшено их качество. Улучшены жилищные условия более чем 50 миллионов человек. Сейчас около 80 процентов городского населения живет в отдельных квартирах.

В семидесятые годы начался поворот всей советской экономики в сторону интенсивного развития народного хозяйства, повышения эффективности и качества работы. Курс взят на конечные результаты хозяйственной деятельности.

За истекшее десятилетие значительно возросла масштабность общественного производства, произошли глубокие структурные сдвиги в экономике и размещении производительных сил, и ныне встают новые, еще более грандиозные задачи, выдвинутые партией. Все это требует дальнейшего совершенствования планирования, всей системы социалистического хозяйствования. При этом нужно учитывать, что у нас в народном хозяйстве наряду с несомненными успехами имеется ряд узких мест и нерешенных проблем. Еще не все отрасли и предприятия выполняют план. Есть еще трудности с некоторыми продовольственными и промышленными товарами, с жильем, с организацией бытовых услуг.

Центральный Комитет КПСС, определяя основные стратегические направления социально-экономического развития страны на предстоящее десятилетие, наметил меры по повышению эффективности ведения хозяйства, более полному удовлетворению потребностей народа. В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии большой раздел посвящен социальному развитию и повышению народного благосостояния.

Ширится соревнование за достойную встречу XXVI съезда КПСС. Трудящиеся полны решимости закрепить достигнутое с тем, чтобы достойно пронести эстафету пятилетий. Рабочие, колхозники, интеллигенция хорошо понимают: чем лучше результаты работы каждого, тем крепче экономический потенциал Родины, тем шире возможности для подъема жизненного уровня населения.

Время как река. Летит время, никогда не возвращается назад. Но если оно наполнено трудом создателей коммунизма, время можно увидеть. Каждый завод или колхоз, каждая шахта или институт, каждый город или село — это памятник воздвигшему их времени — овеянные шаги наших трудовых десятилетий.

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПЯТИЛЕТКИ

Уходит в историю 1980 год. Он запомнится нам прежде всего творческой активностью всех советских людей, завершивших еще одно трудовое пятилетие. Ниже под рубрикой «Из летописи пятилетки» рассказывается о памятных и радостных событиях из многообразной жизни союзных республик.

РСФСР

СТРЕЛА К ОКЕАНУ

Яркий свет и тяжелый, нарастающий гул с большой скоростью ворвались в снежную ночь. Четкими ударами на стыках рельсов стальные колеса фиксировали количество вагонов. Начальник разъезда Якутский Раиса Рыбалкина встречала проходящий состав из Беркажита. В лицо девушки хлестала колкая снежная пыль, поднятая воздушным потоком летящего по рельсам поезда.

Состав с углем промчался. Раиса проводила его добрым взглядом и про себя отметила, что к Тихому океану, в пункт назначения порт Восточный, он придет уже в 1981 году, вот так же промчавшись и через новогоднюю ночь. Улыбнулась и пошла в дежурку. Вспомнилась недавно прочитанная баковская газета со статьей начальника Тындинского отделения Байкало-Амурской железной дороги. Иван Васильевич Гавриленко хвалил ее и Галю Зайцеву, бойцов отряда молодых железнодорожников, прибывших на БАМ. Поразили Раю цифры, опубликованные в газете. БАМ сегодня — это 2640 километров главных, станционных и вторых путей, десятки новеньких станций и разъездов.

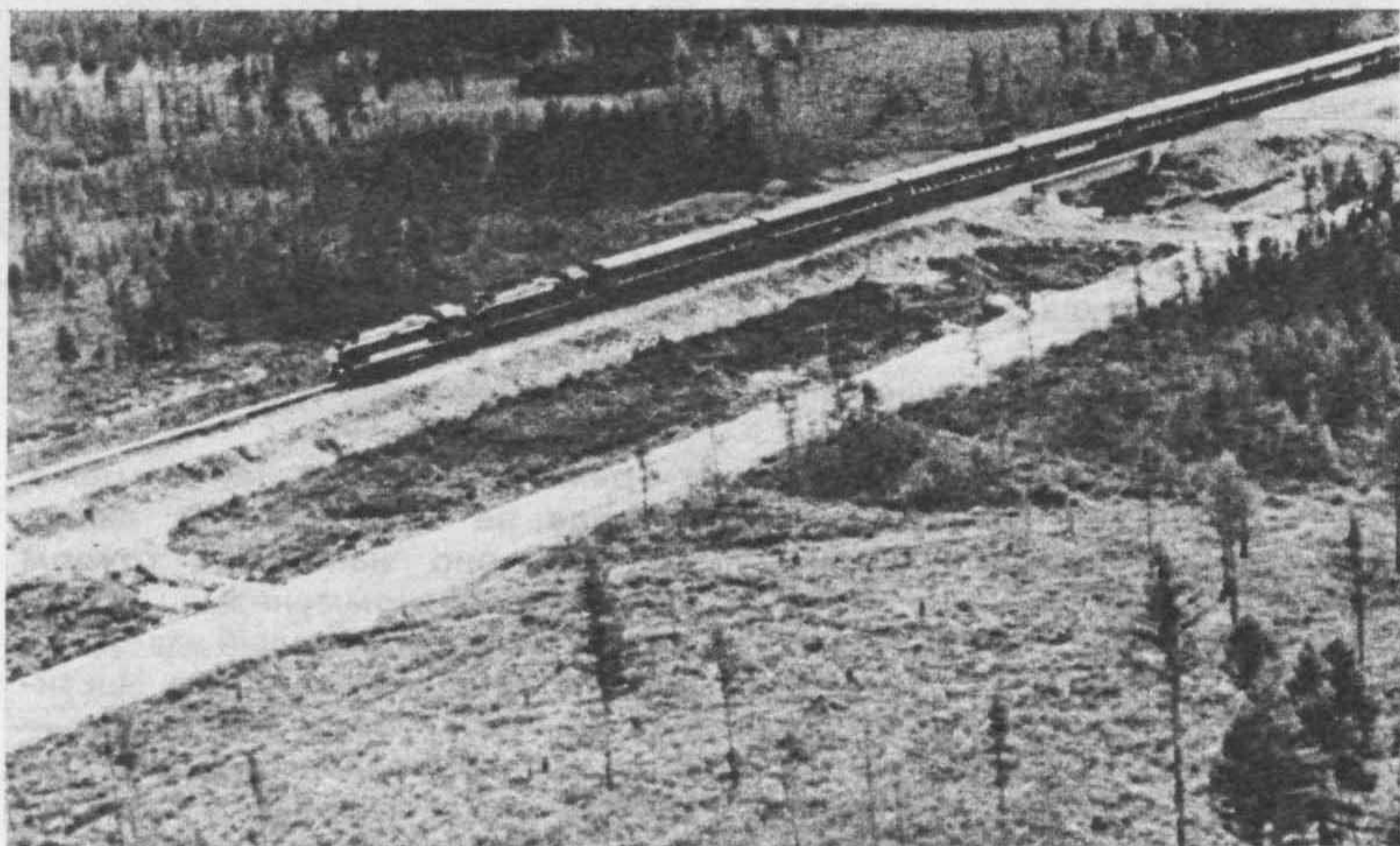
По БАМу уже мчатся тяжеловесные скоростные составы. Железнодорожники достойно несут вахту на новой дороге, приняв эстафету от строителей. Коллектив, в котором работает Раиса Рыбалкина, встречая XXVI съезд КПСС, взял дополнительные обязательства: перевезти сверх плана 300 тысяч тонн различных грузов, пропустить по Малому БАМу 100 эстафетных поездов.

Сбылась мечта Раи, она работает на БАМе и будет встречать здесь Новый год.

В. КУЗНЕЦОВ,
собратор «Огонька»

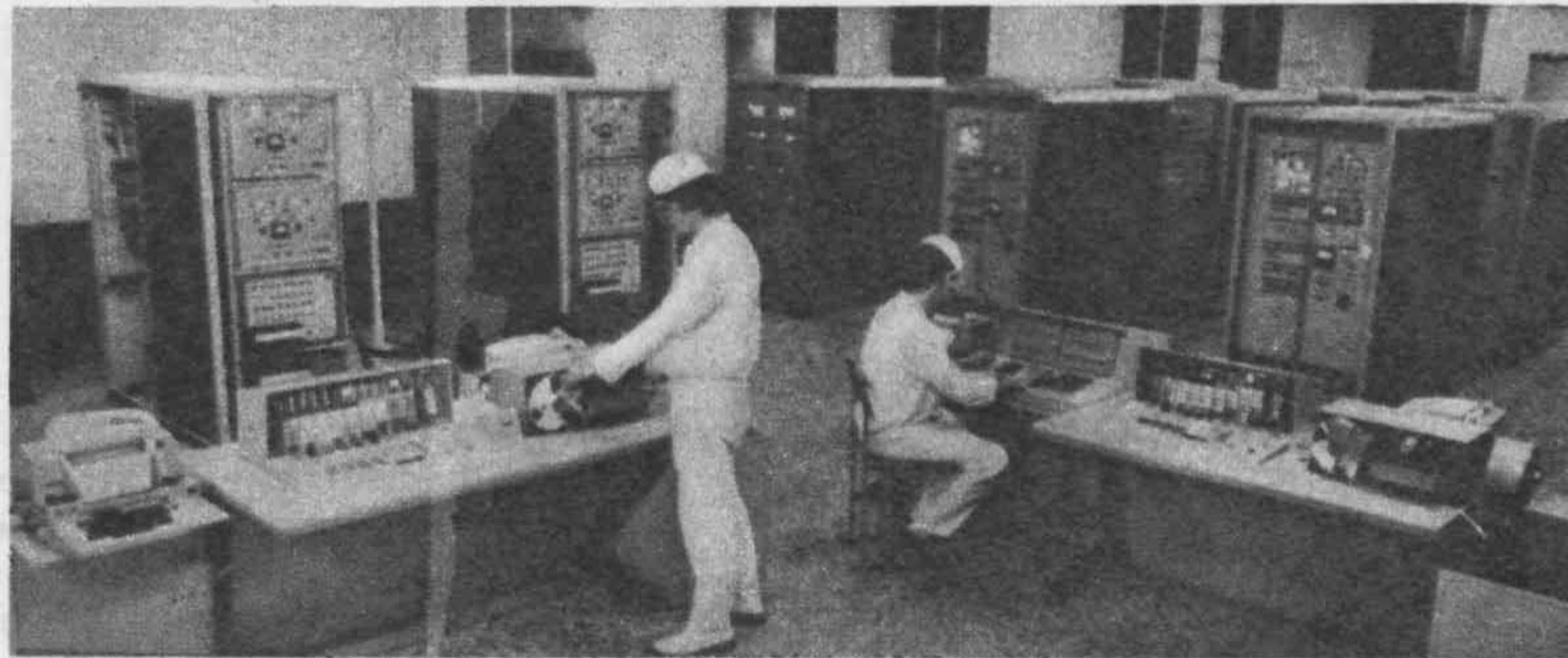
Мчатся поезда по новой железной дороге.

Фото автора

УКРАИНА

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Еще в начале десятой пятилетки первой ласточкой атомной энергетики на Украине была Чернобыльская АЭС. О ней много писали. Очерки и репортажи о ее строительстве, о пуске первого блока обогрели страницы многих газет и журналов. Второй блок такой же мощностью — миллион киловатт вступал в строй куда более буднично. Сейчас готовится к сдаче и в ближайшие месяцы станет под нагрузку третий блок. Его рождение уже никого не удивит...

А ведь совсем недавно мирный атом называли энергетикой будущего, которая станет одной из главных примет XXI века. Так казалось, потому что первая ласточка весны не делает. Но вот уже в 1981 году на Украине вступят в строй Ровенская, Южно-Украинская атомные. Полным ходом идет строительство Запорожской, Крымской, разворачиваются работы на Хмельницкой атомной. В Одессе сооружается атомная ТЭЦ, которая станет чем-то вроде домашней котельной. Это уже не одна «ласточка». Рубеж атомного века в энергетике приблизился к нашим дням.

В одиннадцатой пятилетке почти

весь прирост выработки электроэнергии в республике будет осуществлен за счет АЭС. Важная, может быть, самая трудная работа, определившая столь бурно растущую мощь мирного атома, проделана в минувшей пятилетке: накоплен богатый опыт строительства и эксплуатации, четкой и экономичной работы сложных агрегатов.

Осенью минувшего года произошло еще одно немаловажное событие. Харьковские турбостроители изготовили и отправили на Южно-Украинскую АЭС турбину в миллион киловатт — два довоенных Днепротэса. Вслед за этим агрегатом будет изготовлена целая серия «миллионников» для атомных станций.

Как сообщили мне в Минэнерго УССР, уже сегодня себестоимость киловатт-часа на атомных станциях ниже, чем на тепловых.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собратор «Огонька»

На снимке: Чернобыльская АЭС. На табло контрольного прибора: «Чисто».

Фото Н. Малышева (ТАСС)

УЗБЕКИСТАН

ПЕСНЯ О ШЕСТИ МИЛЛИОНАХ

Хлопкоробам, мастерам высоких урожаев, в Узбекистане посвящаются стихи, песни, произведения театрального и живописного искусства. По-своему воспели их творцы узбекского фарфора. Красивый и певучий, он становится поистине неотразимым, когда на него ложится характерный, более того — символический для этой щедрой земли узор «Акалтын» — «Белое золото».

Так поэтично назвали изображение хлопковой коробочки на чайных сервизах художники Ташкентского фарфорового завода. Увидишь такой сервиз на праздничном столе и обязательно с уважением подумаешь о трудовом подвиге хлопкоробов Узбекистана, давших Родине в завершающем году десятой пятилетки 6 миллионов 200 тысяч тонн «белого золота».

Вяч. КОСТЫРЯ,
собратор «Огонька»

На снимке: на фарфоре узор «Акалтын» — «Белое золото»!

Фото В. Сваричевского

БЕЛОРУССИЯ

БУДЬ ОБЩАЯ ЕЛКА...

Если бы все студенты Белоруссии собрались у одной новогодней елки, если бы... Нет, это нереально — не найти такого помещения, где уместились бы 175 с лишним тысяч человек. Но если бы все-таки... Дед Мороз поздравил бы всех с Новым годом и еще с одним радостным событием — 1 января в Гомеле открывается новый институт — политехнический. Теперь в республике 32 высших учебных заведения, из них три: Гродненский университет, гомельские кооперативный и политехнический институты — открыты в десятой пятилетке. Он сказал бы еще, что за это время в республике началась подготовка кадров по 14 новым специальностям с учетом запросов народного хозяйства — по полупроводниковым и микроэлектронным приборам, по эксплуатации автотранспорта, по физико-химическим исследованиям металлургических процессов, а также по сельской архитектуре... И еще Дед Мороз объявил бы, что число студентов в Белоруссии увеличилось за пятилетку на 15 с половиной тысяч человек. А выпущено за эти годы около 140 тысяч специалистов! Появились интересные новинки: учебно-научно-производственные объединения. Их сейчас 28. В них сотрудничают вузы, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, научно-исследовательские и проектно-конструкторские институты, отдельные лаборатории, цеха, конструкторские и технические бюро. Примерно четыре с половиной тысячи студентов участвуют в деятельности этих объединений. Вот какие новости в высшем образовании республики за десятую пятилетку! Ну и конечно же, Дед Мороз пожелал бы всем студентам отлично сдать зимнюю сессию, первую сессию новой пятилетки.

А. ЩЕРБАКОВ,
сборник «Огонька»

На снимке: трое из трех тысяч студентов Гомельского политехнического.

Фото П. Белоуса

АЗЕРБАЙДЖАН

ХОЛОДИЛЬНИКИ НА КОЛЕСАХ

Время рождения этого предприятия, положившего начало созданию новой отрасли промышленности Советского Азербайджана — автомобилестроения, — десятая пятилетка. Возраст — три года. Место рождения — Баку.

...Каждое утро из ворот Бакинского завода специализированных автомобилей Минавтопрома СССР выезжают колонны только что сошедших с конвейера новеньких авторефрижераторов и изотермических фургонов, украшенных симпатичными пингвинами. Холодильники и термосы на колесах своим ходом или на железнодорожных платформах спешат туда, где они нужнее всего. Почти сто городов страны получают бакинские автомобили, предназначенные для перевозок скоропортящихся продуктов, свежих фруктов и овощей. Летом 1980 года они успешно сдали экзамен в олимпийской Москве. Еще не было случая, чтобы на эти машины, аттестованные первой категорией качества, поступали рекламации.

— Своим становлением наше предприятие в первую очередь обязано коллективу Павловского автобусного завода, — говорит главный инженер завода Т. Кадымов. — Наши друзья из России помогали поэтапно осваивать выпуск новой для нас продукции, — наши машины собираются на базе автобуса ПАЗ-672. Они могут развивать максимальную скорость от 60 до 80 километров в час. Авторефрижераторы снабже-

ны холодильными камерами, работающими в автоматическом режиме — здесь поддерживается постоянная температура до 15 градусов холода, — действуя по принципу обычного термоса.

В 1978 году были выпущены сотни бакинских автомобилей, а в 1980 году — еще больше. А спрос растет. В новом году предприятие выйдет на запланированную одиннадцатой пятилеткой мощность.

Коллектив завода готовит подарок XXVI съезду КПСС и XXX съезду Компартии Азербайджана. Высокие предсезонские обязательства пересмотрены — решено в январе освоить серийный комфортабельный 24-местный автобус марки ПАЗ-672 для перевозки пассажиров в трудных условиях Севера и высокогорья. Салон у этой машины утеплен, стекла двойные, крыша обшита пенопластом, все четыре колеса ведущие.

Первенец азербайджанского автомобилестроения и работает и строится. В проекте «Основных направлений» записано: «В Азербайджанской ССР... Завершить строительство... завода специализированных автомобилей». Начиная с 1990 года завод будет выпускать много авторефрижераторов, изотермических автофургонов и пассажирских автобусов высокой надежности.

Г. ПОГОСОВ

На снимке: изотермический автофургон на улицах Баку.

Фото автора

КАЗАХСТАН

ВСЕМУ ГОЛОВА

Однажды, когда наши прославленные космонавты Леонид Попов и Валерий Рюмин находились на орбите, журналисты спросили их, что им больше всего нравится из космического рациона.

— Хлеб, — ответили они, — потому что хлеб никогда не приедается. Без него нет ни завтрака, ни обеда, ни ужина. Потому что хлеб — всему голова...

Я не знаю, из какой пшеницы делается космический хлеб, но хочу верить, что без целинных твердых сортов тут не обошлось. Казахстанские степи — гавань космонавтов. Казахстанские степи — гавань хлебной целины.

Я много ездил по целине и в прошлые годы и нынешней осенью, видел ее трудности и видел победы. Меня всегда поражал оптимизм целинников.

— Здесь ведь зона рискованного земледелия? — спрашивали их.

— А мы люди рисовые, — отвечали они, словно бы шутя. И не шутя работали. Поднимали целину, строили новые поселки и перестраивали самих себя. Ломая предрассудки, учились безотвальной пахоте и новой культуре земледелия, учились побеждать засуху и эрозию... Ведь не было здесь ни одного года, идеального по погодным условиям. Может быть, поэтому первые казахстанские миллиарды воспринимались как нечто исключительное, как подарок судьбы. Но становилось таких подарков все больше, а в этой пятилетке лишь один год не был миллиардным.

Вспоминаю прошедшее лето. Труднее его, казалось, не было. Почти за три месяца на поля иных районов и областей ни дождинки не упало. И все же страна вновь получила миллиардный казахстанский урожай. Непостижимо? Нет, теперь это становится традицией...

Вспоминаю встречи с прославленными героями целины — Жансултаном Демеевым, Леонидом Картаузовым, Владимиром Дитюком, Михаилом Довжином... Какие люди, какие личности! Когда-то мне казалось, что им и равных не найдется. Но нет, их ученики и последователи уже превосходят своих кумиров. Такова логика жизни. Она обещает, что целина достигнет новых высот. Обязательно достигнет!

Ю. ЛУШИН,
сборник «Огонька»

На снимке: уборка-80 в целинном совхозе «Мамлютинский».

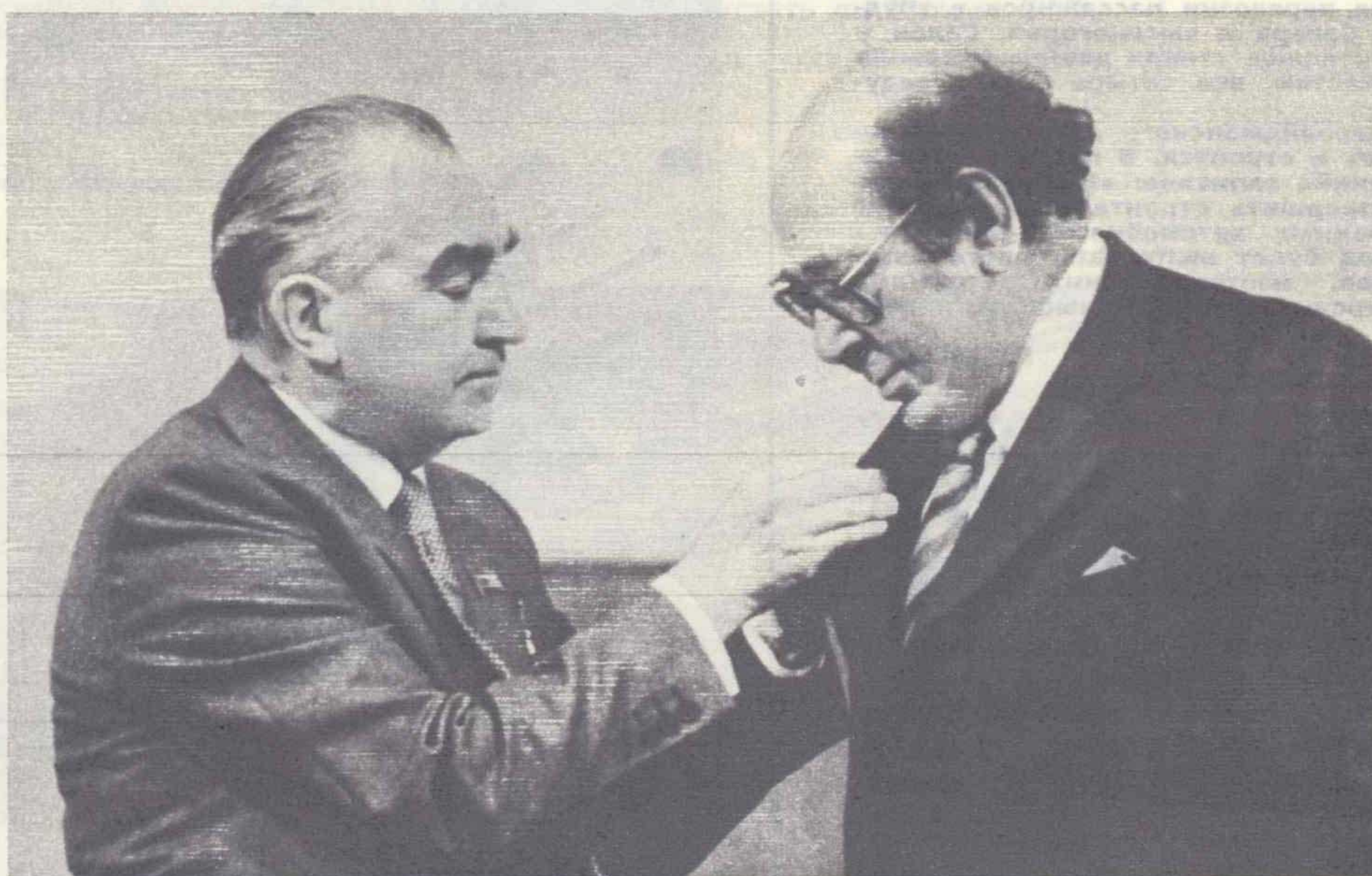
Фото И. Будневича и В. Антонова (ТАСС)

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ

Во время вручения награды.

Фото В. Егорова (ТАСС)

23 декабря в Свердловском зале Кремля на торжественном собрании председатель Комитета по международным Ленинским премиям президент АМН СССР академик Н. Н. Блохин вручил египетскому писателю и общественному деятелю Абдуррахману аль-Хамиси диплом и Золотую медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Советские люди высоко ценят вклад А. аль-Хамиси в борьбу за сохранение мира. Видный деятель национально-освободительной антиимпериалистической борьбы египетского народа, он принимал непосредственное участие в выступлениях против британского колониального господства в стране. Абдуррахман аль-Хамиси решительно поддерживал прогрессивные преобразования, осуществлявшиеся в Египте под руководством Г. А. Насера, призывал и призывает к укреплению дружбы и сотрудничества с Советским Союзом.

Писатель сейчас активно участвует в борьбе арабских национально-патриотических сил против опасных происков империализма на Ближнем Востоке, за срыв антиарабского кэмп-дэвидского сговора.

«Присуждение А. аль-Хамиси этой награды, — сказал Н. Н. Блохин, — убедительное свидетельство того, что в первых рядах движения за мир идут люди высокого морального духа и гражданского долга».

В своем выступлении А. аль-Хамиси сказал: «Я призываю всех людей доброй воли, независимо от цвета кожи и национальной принадлежности, усилить борьбу за то, чтобы положить конец преступлениям империализма и сионизма, предотвратить угрозу возникновения новой мировой войны».

ЛОЖЬ НА КОНВЕЙЕРЕ

Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор
еженедельника
«Хорицонт»

вой информации служить взаимопониманию народов, миру и мирному сосуществованию. Пропарандистские центры империализма ведут идеологическую войну против социалистических стран, против прогрессивных сил всеми доступными средствами, включая отравленные стрелы лжи. Потому западные репортеры лишут такое, «о чем сами знают, что это неверно».

СВОБОДА... ОТ ПРАВДЫ

Известный западногерманский журналист Пауль Зете, за плечами которого долгая профессиональная жизнь, сказал несколько лет назад, что буржуазная свобода печати — это «свобода двухсот богачей навязывать свое мнение». Например, известный крайне правыми взглядами мультимиллионер Аксель Шпрингер владеет двумя третями тиража всех федеральных газет ФРГ. Около 65 процентов всей распространяемой в мире информации готовят различные службы США, которые особенно кичатся своей «объективностью» и «свободой». На самом деле за этими вывесками зачастую скрываются ЦРУ и иже с ним. Ясно, кому служат эти «объективность» и «свобода».

Пресса, радио, телевидение Запада любят рядиться в тогу «надежности» или «независимости», но это только ширма. Достаточно вспомнить источник доходов этих «независимых» деятелей: какой редактор отважится выступить на стороне рабочих, против предпринимателя, от которого сам получает прибыльные заказы на рекламу? В любой капиталистической стране известны случаи, когда журналисты, наивно полагаясь на «свободу печати», пытались выступать против официальных установок, однако их немедленно призывали к порядку или попросту убивали.

Действительно свободны они лишь в одном — в борьбе против реального социализма и его мирной политики, против общественного прогресса. Можно подумать, что за одну ночь органы массовой информации ФРГ и Западного Берлина переродились в рьяных защитников интересов рабочих, когда на первых полосах, под огромными шапками давались «советы» польским трудящимся, какие им следует выдвинуть «требования о повышении заработной платы», как «строить свою деятельность забастовочным комитетам». Но стоило перевернуть страничку, и все становилось ясно: оказывается, это относилось лишь к Польше, а бастующих в капиталистических странах по-прежнему поливали грязью. Полицейский террор против рабочих, массовые увольнения, «запрет на професии» в самой ФРГ — все это не

вызывает осуждения у западных поборников свободы и демократии.

«ДРУЖЕСКИЕ СОВЕТЫ»

Сегодня западногерманская пропаганда уже не рискует, как раньше, открыто призывать к свержению власти рабочих и крестьян в ГДР и других социалистических странах. Теперь это «заботливый друг», сердцу которого нет ничего ближе, чем социализм, правда, «чуть-чуть» другой. «Дружеским советам» несть числа, например, как нам «в корне улучшить» свою экономику. Ставится под сомнение принцип планирования социалистической экономики, которое якобы затрудняет ее развитие. Кто же советует? Капитализм, который не может покончить с кризисами, инфляцией и безработицей. Перед всем миром он расписался в бессилии решить свои собственные проблемы, такие, как растущая преступность, наркомания. Чему нас могут научить такие «добрые советчики»?

Чтобы хоть как-то затушить очевидное фиаско, пропагандистская машина прибегает к разного рода трюкам. Слово «кризис», скажем, применяется исключительно к странам социализма, для местного же употребления «здоровое сокращение». Спад производства — «нулевой рост», увольнение десятков тысяч рабочих — «болезненная, но оздоравливающая мера».

Вину за свои беды капитализм пытается «поделить» со странами социализма. Экономический кризис капитализма буржуазные пропагандисты называют не иначе как «всемирным», хотя давно уже капитализм не единоличный властелин мира. Или другой пример: подхватив тезис Пекина о «многостороннем конфликте между севером и югом» (то есть между развитыми странами и молодыми государствами Африки, Азии, Латинской Америки) и пытаясь обелить преступления колониализма, они утверждают, что к этому «причастны» и социалистические страны, а посему-де и они имеют материальные обязательства по отношению к слаборазвитым государствам — хотя ни для кого не секрет, что именно капитализм нещадно грабил их богатства.

Вот такого рода передергивания, ложь, прямая клевета в сотнях статей и передач день за днем обрушиваются на западного обывателя. Этот грязный поток проникает и в ГДР. Главную роль играет тут западногерманское телевидение, в других братских странах — «Голос Америки» и «Радио Свобода». Подобная «журналистика» не имеет ничего общего с принципами обмена информацией, сформулированными в Заключительном акте совещания в Хельсинки.

СТАРЫЕ КОЗЫРИ

Более чем жалкие свои «достижения» пропагандистские центры империализма пытаются подкрепить видимостью некой «широкой оппозиции», якобы существующей в социалистических странах. Речь идет о горстке людей, поставивших себя практически за гранью нашего общества. Этим «главным свидетелям» на Западе предоставляют самую широкую трибуну, за звонкую монету они живописуют тому или иному западному корреспонденту, как «несвободно» живет им при социализме. Примечательный факт: стоит «свидетелю» переселиться на Запад, интерес к нему мгновенно пропадает. Буржуазная реклама превращает совершенно незначительные фигуры во «всемирно известных» деятелей. Романтические трагедии и жуткие драмы о «жестокое преследование безвинных» в социалистических странах — повседневный репертуар буржуазных средств массовой информации.

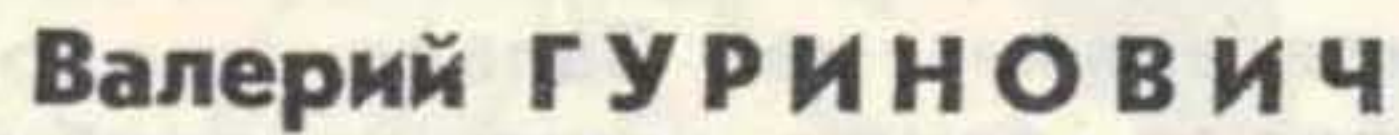
В этом грязном омуте тонет любая правдивая информация о мире социализма. Социальные достижения, реальные свободы, обеспеченные новым строем, для корреспондентов западных газет «не стоят того, чтобы о них сообщать».

Последовательная борьба СССР и его союзников за мир, разрядку, разоружение превращается на этой кухне в «угрозу с Востока». Начиная с 1917 года, это стандартный «козырь» реакционеров всех мастей. «Ложь столетия», как назвал ее западногерманский профессор Герхард Каде, призвана скрыть перед трезвомыслящими людьми очевидный факт, что в наши дни главная угроза миру исходит от Запада, от политики США и НАТО.

Я не раз был на Западе, говорил с простыми людьми и всякий раз убеждался, какие опустошительные последствия имеет подобная «информация», которую точнее назвать манипуляцией. Даже люди без предубеждений знают поразительно мало о реальном социализме. Вновь и вновь отмечаешь, что рядовой гражданин ГДР осведомлен о той же ФРГ или других странах намного лучше, чем выпускник западногерманского вуза о нашей республике. Этот факт отражает ту очевидную истину, что развитое социалистическое общество воспитывает идеологически стойкого, политически сознательного, думающего, образованного человека и нуждается в нем. Для капитализма же, напротив, такие люди опасны. Потому его главное требование к средствам массовой информации — оболванивание граждан.

Берлин.

СТИХИ МОЛОДЫХ

Притормози, шофер,
прижмись к обочине,
успеем, не гони,
не торопись...
Чья горсть земли?
С какого места отчего?
Поди теперь попробуй
разберись!
Из Витебска?
С Полесья?

С Могилевщины?
(Полынный запах, шепот ковыля...)
Здесь, на кургане,
боль и память общие,
здесь кровная — земли моей —
земля!
Со всех концов родимой Белоруссии
везли ее сюда,
сюда несли
те, кто в годину тяжкую не струсили
И Родину
от гибели спасли!
Несли в котомках
и в платках старушечьих
родную землю с давних пепелищ...
И клятву —
помнить павших! — не нарушили,
И вырос холм
из горестной земли!

Течение
березового облака
над острием
гранитного штыка,
и птичий щebet
obeliska около—
в людских сердцах все это
на века!

Седой латыш и хлопец из-под Гомеля,
охотник из таежной стороны
в молчанье скорбном обнажают головы
перед великой славою страны!

Горная работа нелегка,
горькая забота не забыта—
тяжела рука у взрывника,
горячо дыхание аммонита.
...Песенка кедровки не слышна,
я в шуры патроны забиваю.
И взрываю!
И позабываю,
что это такое —

А когда кончается работа и зовут ребята на охоту, улыбаюсь:

мне не по пути,
мне в другую сторону идти.
Ухожу с карьера не спеша,
некуда особо торопиться.
Слушаю, как, крыльями шурша,
птица

на тропу мою садится.
Не спугну ее,

не испугаю—
по лесу, как по дому, шагаю!
Меркнет небо.

Воздух свеж и тонок.
На исходе северного дня

тишина,
пугливый олененок,
кружит, кружит

около
меня.
Москва.

А детство пело и звенело.
Подсолнух рыжий умилял.
Катился гром. Луна летела.
А день—почти не убывал.
А жизнь? Да что там! Что такое!
Все впереди, что не сбылось!
Придет все самое большое,
Найдется все, что не нашлось!
А сердце было легким-легким!
Дышалось так легко-легко.
...Все это кажется далеким...
А как ли это далеко?

брусничная из погребца вода!..
И тишина в скворечнике над домом.
Луна над кедром многоголовым,
медлительная так же, как тогда,
когда весь мир еще казался новым.
И мне спешить не надо никуда.
Стрекошет где-то... Где-то голоса..
С крыльца из дома света полоса,
знакомые причудливые тени..
Так хочется закрыть сейчас глаза,
и волю дать забытым впечатлениям,
и утонуть на сеновале в сене..
Как пахнет!... Это... это тот цветник!
Над ним еще живет мое дыханье!..
Самозабвенья беспощадный миг:
звезда в моем недопитом стакане
вот-вот окажется! Оттуда! Напрямик!
И я вот-вот коснусь ее губами...
...Но на губах брусничная вода
прохладнее и слаще, чем тогда...

Николай ЯКУНИН

Родное поле так похоже
На мамин выцветший платок,
Что забываю вслед прохожим
Я крикнуть горестный упрек.
Что ж, напрямую ближе, проще
По стеблям ржи или овса
До большака или до рощи
Дойти всего за полчаса.
Пусть легко проходят люди
И торят новые пути,
А мне и жизни мало будет,
Чтоб это поле перейти.

Каким бы зорким взгляд твой ни был,
Всегда ты видишь над собой:
Висят недвижно звезды в небе,
Как будто в плоскости одной.
Винить в грехе нелепо зренье.
Чтоб сердцем главное понять,
Осилить надо притяженье
И самому звездою стать.

Зима еще зорко границы
Обходит по насту тайком.
Как глаз умирающей птицы,
Подернулась прорубь ледком.
Печалится грустно и немо
Под тяжестью снега река.
И низкое мутное небо
Не могут промыть облака.
Над полем, застенчив и робок,
Полын шевелит ветерок.
И писк комариный в сугробах
Опять растерял ручеек.
Он ждет, как другие проснутся,
В ложбину потянутся с гор.
И звоном апрельским сольются
В веселый и слаженный хор.

Деревня Стрельня, Мосальский район,
Калужская область.

Зульфие

От изумления солнце краснеет,
Ночь опуститься на землю не смеет
Пытаясь постичь человечески слова,
Не шелохнется даже листва,
Когда говорите вы.
Горные речки падают с кручи,
Вмиг исчезают черные тучи.

Ю. Королев. Род. 1929. ЗВЕЗДНЫЕ БРАТЬЯ. 1980.

Шестая республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Ю. Ракша. 1937—1980. ПОДСНЕЖНИКИ. 1968.

Море улыбок. Поток доброты,
Взгляды по-детски светлы и чисты,
Когда говорите вы.
Нежная зелень. Синь небосвода,
Растениям жизнь продлевает природа.
Спешит к вам подснежник, покинув степь,
И соловья не заставишь петь,
Когда говорите вы.

ЧИСТОТА

Всей белизны, что мир дарит,
Летающий зимний снег белей.
Тот белый цвет в душе царит—
Нет чистоты его милей.
Я знаю, только чистый взор
Прозреет тайну красоты.
И взгляд, и смех, и сна узор
Пусть будут полны чистоты.
Мой дом и помыслы мои
Пусть будут чисты, как мечта.
Стихи, как светлые ручьи,
Пускай рождает чистота.

Перевели с узбекского
Г. БЕЗРУКОВА, З. ТУМАНОВА

Валентина ЮДИНА

Возьму-ка я два цинковых ведра,
Почувствую, как на плече провисло
Нарядное цветное коромысло,
И к проруби отправлюсь со двора.
В деревне надо жить, а не гостить,
Тогда поймешь народ свой и природу.
Сначала надо ведра опустить
На глубину, чтоб после вынуть воду.

УХОДИТ ЛЕТО

А честно говоря, и нам пора
На мир взглянуть добрей, светлей и проще.
Остановилась осень у двора,
Последний рыжик затерялся в роще.
Еще тепло. Еще по вечерам
С лугов, пыля, бредет коровье стадо.
Еще в домах не утепляли рам,
Еще в садах не слышно листопада.
Еще в колхозе сторожат бахчу,
Но ласточка под крышей не смеется,
И даже эхо, если закричу,
Помедлит, а потом лишь ответится...

Саранск.

Виталий КИСЛОВ

НА ВЫСТАВКЕ ДЕТСКИХ РАБОТ

Прямо с Севера игрушка —
Меховая погремушка
С колокольчиком внутри,
Не гремит холодным звоном,
Только светом затаенным

Изнутри она горит.
В виде мордочки оленьей
Смотрит в вечность со стола,
Это детское решенье
Сохранения тепла.

Ну что, деревня Бусино?
Теперь ты — край Москвы.
Теперь изба бабусина —
Столичная. Увы,
Дрова напрасно куплены
Для печки с изразцом —
Столица метит в кухню к ней
Троллейбусным кольцом.
Дорога прямо с ватмана
К старушке пролегла.
И нет пути обратного.
Обидные дела:
Квартиру дали новую,
А сад — асфальтом сбит.
Как жить на всем готовом?
Не жизнь,
А просто стыд...

Москва.

Александр ГРЕБЕНКИН

ВОЕННАЯ ХРОНИКА

Старый конь, шагая неторопко,
По деревне розвальни волок,
Были в них железная коробка
И покрытый инеем движок.
Значит, снова в деревенском клубе
Застрекочет старый аппарат.
И опять настойчивые трубы
Позовут в сражение солдат.
И опять в краю чужом и дальнем
Ожиданьям бабьим вопреки
Будут снова под огнем кинжальным,
Как снопы, валиться мужики...
Снова терпеливые солдати
Завздыхают горько в тишине:
— Что с моим-то?
— Все ли там в порядке?
— Тяжко им, родимым, на войне!..
Мать придет голодной и усталой.
Я прижмусь доверчиво к плечу.
Только вот о фильме ей, пожалуй,
Не скажу ни слова,
Промолчу!

ВДОВА

Вот он пришел в шинели нараспашку,
Как в юности, беспечно-озорной,
Под Ленинградом без вести пропавший—
Пропавший, но по-прежнему живой.
Свой вещмешок поставил у порога,
На гвоздь повесил шапку и шинель.
Потом промолвил: «Холодно немного.
Опять метет на улице метель».
И, поглядев на спящую дочурку,
Ладонью потирая о ладонь,
Зажег в печи березовые чурки,
И заплясал в ней радостно огонь.
...Глаза открыла — холодно в постели.
Глядит на стенку—сразу не поймет:
Нет на гвозде ни шапки, ни шинели,
Печь не горит.
...Метелица метет.

Сделал новый скворечник отец
И вознес над корявой ветлою,
Чтоб весною пернатый жилец
Обзавелся в нем дружной семьей.
Чтоб, по полю шагая домой,
Где пшеница озимая сжата,

Видеть, как над колючей стерней
Крылья пробуют в небе скворчата.
Дом отцовский давно опустел,
Под закатами век доживает.
А в скворечник скворец прилетел
И, как прежде, весну воспекает.

Пермь.

Анатолий БОЧИНИН

Смотрю на мир сквозь талое оконце.
Пришла весна. В апреле как в апреле.
Пилот взлетел, чтоб прикурить от солнца.
Табак сухой, а спички отсырели.
Еще не слышу я, но рядом где-то
Из-под земли прорезывает голос
От зернышка, пропавшего в то лето,
Дыханье жизни — золотистый колос.

Звенит транзистор, словно дискант мины.
Бросает в дрожь взволнованный эфир.
А мальчик лепит голубя из глины
Под транспарантом алым «Миру — мир!».
Один момент, и голубь возродится.
Я в это тоже верю горячо.
Осталось что — его живой водицей...
И он вспорхнет мальчишке на плечо.
Так пусть летит в просторы поднебесья,
Уверенностью в будущем полна,
Счастливым детством созданная песня:
Не быть войне! Да здравствует весна!

Владивосток.

Анатолий ИВАНЕН

МАТЕРИ

Нежная моя, нежная...
Нас у тебя трое,
ты у меня одна...
Что б мне такое сделать?
Может быть, дом построить,
может, колодец вырыть,
жемчуг достать со дна...
Что бы такое сделать?
Чтобы душа не болела,
чтобы ты чаще пела
и не была грустна...

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

Никакого не видал я круга...
Все леса, леса, леса, леса...
За лесами, словно поле, тундра.
За поля роняет меч упруго
горизонт, и слышны голоса.
Это чайки с криками: «Полундра!» —
разлетелись перед нашим судном
и опять за нами...
За безмолвной тундрой — Заполярье.
Где там поле? Может, встречу Ляря-
новгородца, пахаря Руси...
Да не знаю, у кого спросить.

Ленинград.

В ДОЖДЕ ВЕЧ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Во дворе, столь обычном для новых микрорайонов городских окраин, с обязательной детской площадкой, желтой от песка, с покато горкой и в ней лотком для катания, обитым линолеумом, с разноцветными грибками, со «шведской стенкой» для лазанья, на скамье, предназначенной взрослым гражданам, сидят два жителя этого двора или, точнее, стоквартирного сборнопанельного дома, возвышающегося здесь над старыми еще сельскими постройками, подлежащими сносу, как огромный ярко освещенный морской пассажирский лайнер над дощатыми рыбацкими лодками.

Погода осенняя, сырая, тусклая. Сочится серый, мелкий, невидимый в сумерках дождь. Но два жителя этого дома сидят на скамье, назначенной для отдыха, сидят под дождем и курят так жадно, будто дома им курить не разрешают и будто сидят они здесь только для того, чтобы выкурить по последней и затем разойтись каждый в свою квартиру.

Оба пожилые. Лица хмуро озабочены. От выпуклой, округлой, некогда цветущей, а теперь мокрой, почерневшей клумбы пахнет гнилью пожухлой, сникшей растительности.

— Выходит, Штырев, ты на меня заявление подал, — нарочито равнодушно, как бы не спрашивая и не утверждая, произнес тот, который сидит в синем плаще «болонья» с натянутым на голову остроконечным капюшоном.

— Я тебе, Савельев, свое мнение о твоём поступке уже высказал, — уныло сказал Штырев.

— То было словами, а теперь получается — письменно.

— Суть от этого не меняется.

— Одно, когда ты мне, с глазу на глаз. Другое совсем, когда... для всех.

— А это всех касается.

— Значит, надо так понимать: осудить меня желаешь.

Штырев снял шляпу с обвисшими мокрыми полями, встряхнул, снова надел, сказал скорбно:

— И все ты, Савельев, понимаешь, а делаешь вид, будто не понимаешь.

— Демагогией занимаюсь, так, что ли?! — болезненно усмехнулся Савельев, склонился, прикурил от окурка, сказал сипло: — Подумать только, в одном огневом расчете вместе служили, может, одним снарядом были тогда поранены и, нате вам, дожили: он на меня пишет.

— Я не тебя, а твой поступок осуждаю.

— Клеймить не поступок, меня будут!

— Я тебе советовал. Отнеси обратно. Подай заявление, разрешат — оплатишь в бухгалтерии.

— Цена-то всему два двугривенных, и сработал я свое изделие в пересменку, не в рабочее время.

— Ну и что! Только не чужой труд использовал, а материал и рабочее станочное время, которые тоже чего-то стоят.

— Желаешь мне таким маневром позор пришить? А я при всех в открытую, не скрываясь, себе замок делал и даже с технологом советовался, как получше его сработать.

— В открытую, не таясь, значит, еще хуже получается, — горестно вздохнул Штырев. — У тебя квалификация высшая? Высшая! По общему наряду редко работаешь, больше индивидуальный заказ. Вот и посчитал, что тебе все допустимо. И через проходную скобу в открытую пронес. Да разве вахтер даже мыслью допустить мог, что ты с таким заработком, премиями заводскую железку унесешь! И еще скажу тебе, Савельев, когда ты при всех своей конструкции запор себе на гараж делал, люди чего могли думать? Савельев для цеха ширпотреба новое изделие придумывает. В магазине таких нет. Гаражей личных развелось до черта, значит, попадешь в точку спроса. Вот чего люди могли думать, и я тоже. А вышел на днях прогуляться на воздухе для бодрости, иду мимо твоего гаража, гляжу: что такое? А это наш заводской запор уже на твоём гараже. И, выходит, он не наш, а твой собственный, в единственном экземпляре.

— Теперь понятно, с какой стороны подул, — едко заявил Савельев. — Значит, многим захотелось таким запором обзавестись, — может, тебе тоже! —

— Эх, ты! — сокрушенно сказал Штырев. — Совести в тебе, сколько в микроорганизме. Ты же у нас на заводе — фигура! На тебя молодые и даже пожилые равняться должны. Мастер, каких несколько!

— Признал, значит! — осторожно улыбнулся Савельев. — Приятно слышать. От самого товарища Штырева такой отзыв.

— Ты погоди с усмешками, — сурово оборвал Штырев. — Если, по существу, о нас с тобой, как о высшей квалификации мастерах рассуждать, так мы потому высшие, оттого, что зря при нашем заводе инструментальный цех держат. Для перестраховки его держат, вопреки линии специализации.

— А ну давай, давай, тут ты вполне соображающий, — снисходительно поощрил Савельев разгорячившегося Штырева.

— Ты вот вдумайся, — просительно произнес Штырев и даже положил свою ладонь на колени Савельева. — Инструментом для себя мы полностью от целевого снабжения обеспечены и без своего цеха. Но вот чтобы при себе инструментальный держать, берем заказы со всех сторон. И все они не серийные. Значит, кто может такие индивидуальные заказы выполнять? Мастера высокой квалификации. Вот мы и стали фигурами. Нас хвалят, поощряют. Материально и морально, грамотами, досками почёта и прочим. Отсюда и твое зазнайство и твой проступок: мол, подумай, железку унес, когда на тебе таком все заказы разовые держатся.

— Вот ты бы таким солидным, большим вопросом и занялся. Писал бы куда хочешь. А зачем по мне из-за мелочи бить? Мозги при всех людях мыть?

— Видишь, какой ты! — грустно сказал Штырев. — Я вслух при тебе подумал, чтобы ты свой проступок со всех сторон продумал. Почему тебя сразу никто не одернул, не образумил, когда ты такое самое плохое себе позволил? Да оттого, что на таких, как мы, мастерах цех держится. А инструментальный на нашем заводе вообще не нужен. Вот и получается: одна неправильность ведет к тому, что и человек может от нее портиться при слабой своей личной устойчивости.

— Это ты что? Вроде как мысль подсказываешь? На объективные причины облокотиться? — настороженно осведомился Савельев.

— Объективные все против тебя, — сухо произнес Штырев. — Вздерни голову. Квартиру свою видишь со всеми коммунальными удобствами? И твой «Москвич» в твоём гараже тоже против тебя. И то, что твой внук при нашем доме в детском садике находится — и от этого твоя дочь на инженера учится, а не нянчится с ним, как ей по материнской обязанности было б положено. Все это против тебя.

— Еще что скажешь? — обидчиво сбросив ладонь Штырева со своего колена, осведомился Савельев.

— А чего тебе перечислять все наши удобства жизни — сам знаешь. Но если бы каждый, кто касательство к ним имеет, считал себя вправе, как ты вот, чего-нибудь с этого себе присваивать, как бы ты сам закукарекал.

— Были б в торговой сети гаражные запоры, купил бы, а то ведь нет!

— Значит, деликатно выражаясь, самообслуживался. И как я на фронте в тебе такой слабости не заметил, — горестно сказал Штырев, — ведь воевал, как все.

— А ты и там ко мне цеплялся, забыл про ватник? Когда зимнее на летнее обмундирование сменяли, я его при себе оставил, поскольку зябкий. И ты меня за это повел их передний край разведывать, а я же потом тебя подшибленного на себе и вынес.

— Но ватник все же сдал старшине, как я тебе указывал.

— Сдал!

— Ну тогда нечего такое вспоминать.

— Не надо?

— Говорю, ни к чему.

— Тогда вот! — нервно подергиваясь, объявил Савельев. — На вот, гляди! — Чуть не обрывая пуговицы на плаще, резко распахнул полы, пошарил в боковом кармане пиджака, вынул бумажник, раскрыл. — На вот, держи квитанцию! Уплатил все полностью в бухгалтерию! Что теперь скажешь?! — торжествующе осведомился Савельев.

— То же самое, что и говорил, — спокойно произнес Штырев. — Есть в тебе утечка, усушка, утруска от настоящего полноценного душевного веса. От того, что легкой жизнью пользоваться любишь.

— А тебе охота, чтобы она тяжелой была. Вот как сам себе придумываешь. Затеял работать только на минусовых допусках, когда нам ГОСТ и ОТК и плюсовые позволяют.

— Когда на чистовой по твоему наследию тонкую стружку берешь, аж ноги преют, чуть что, запорешь. Микроны! Голова от них лухнет.

— Если все на минусовых пределах станут работать, в итоге в изделиях меньше металлового будет.

— Все не смогут. Квалификации не хватит.

— А ты можешь?

— Могу!

ЕРОМ

— Так зачем норму просил снизить?
— Тяжело стало работать на минусовых допусках.
— А если легкой работы желаешь, так облегчи ее себе. Пошевели мозгами.
— Ну пробовал я мерный автомат, который обязан засекать, как к пределу резцом подходишь. Но он ненадежный, полагаться полностью нельзя.
— А ты лови те моменты, когда он не отвечает задаче, и устрани, что в нем еще ненадежно.
— Я на работе своей работой занят, за автомат думать не собираюсь.
— Он приставлен за тебя думать.
— А я ему не доверяю.
— Вот ты и на фронте из винтовки мазал, не брал в расчет погоду.
— Обучили. Даже в снайперы произвели.
— Обучить всему можно.
— Это точно.
— Человеку человеком быть — тут не одна выучка нужна, а и сознательность.
— Чего другие сознают, то и я сознаю. Как ты меня тогда с глазу на глаз обозвал за замок, я сразу к начальнику смены и на себя сам накапал при всей бригаде.

— Значит, дошло!
— Ничего не дошло, обидно стало, из-за железки друга потерять.
— Кто это тебе друг, я?
— А как же, все смолчали, а ты сразу мне врезал.
— Считаешь, правильно?
— Насчет цеха говорил неправильно. В том смысле, что он людей портит. Инструментальный цех у нас хороший. Но его не ликвидировать надо, а дать строго специализированный профиль. Тогда и автомат будет надежно работать. А то его каждый раз под новое изделие надо перенастраивать, канитель — и только.
— Ишь ты как умно вдруг заговорил, — удивился Штырев. — И с чего бы это? А из себя простофилю все строил непонимающего.
— Тебе просто: обозвал — и все. А я же все переживал. Как это так пойти и сказать? Из-за ерундовины на себя пятно взять, легко думаешь, когда фактически мне вроде как разрешили?
— Замок на гараж соорудить, чтобы собственность твою никто не нарушил, — перебил едко Штырев.
— Да, я «Москвичом» для форса обзавелся: мол, рабочий класс может свою машину иметь без особой натуги.
— Ты рабочий класс не трогай, — сурово осадил Штырев, — говори по существу.
— Ты Прохорова помнишь?
— Комбата нашего?
— Ну да.
— Хороший человек был.
— Почему был — он есть. Вот я с ним пошел на паях машиной обзавестись.
— Сам что, не сдюжил?
— Он грибник, и я грибник, с пятницы с вечера выезжаем, а зимой подледным ловом занимаемся.
— Хороши ребята! Значит, все для отдыха.

— А что, нельзя?
— У всякого своя блажь.
— Это конечно, но только ему надо для здоровья.
— А чего ты о его организме беспокоишься?
— Так он ранение получил из-за меня. Я в спирали Бруно запутался, весь в ее проволоке опетлялся, задохся. А по мне бьют из всех средств. Ну, он ножницами вокруг меня проволоку обкусывал, выпутал, а сам лег со сквозными в спине навывлет. Свои-то ножницы я от попадания где-то бросил, вот и застрял, как муха в паутине. А он, выходит, меня спас. Сейчас на пенсии.
— Значит, из благодарности теперь возишь?
— Зачем? Он человек самостоятельный, видный, белых мышей для науки разводит. Есть и знаменитые, которые для космоса.
— Может, и тебе мышами тоже заняться?
— Они для изучения всяких болезней служат. Это ты зря так насмешничаешь. Человек обязан подольше жить, если его от болезней избавить.
— Хорош фронтовик, значит, мышами занимается! Ай да комбат! Ну, ну!
Штырев встал, снял шляпу, отряхнул ее от воды о колени, надел, сказал сердито:
— Промок я тут с тобой, пойду домой сушиться, — усмехнулся, — ты бы на свой замок пластиковый мешок надел, а то он от сырости, смотри, проржавеет.
— Нету замка. Я скобы проволокой теперь заматываю.
— Ну нет, так нет. Все, значит, к лучшему.
Под навесом парадного крыльца они расстались. Савельев напоследок закурил и стоял один под навесом с грустным, озабоченным лицом, еще долго наблюдая, как шлепают тяжелые, увесистые капли по темной асфальтовой дорожке.

Н. БЫКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА

Нет, не так эпически спокойно обсуждал женсовет претендентов на звание «Папа-80».

Если шофер Вилис Чепонис приложит усилия, он тоже может надеяться на приз...

Папин приз.

«Не может быть!» — первая реакция Людаса Жирлиса на сообщение из женсовета.

С

нег, неожиданный и щедрый, самый первый и потому особенно пушистый снег выпал в следующую ночь, а накануне первого снегопада был слепяще яркий солнечный день, и колхозный поселок Лабунава, всегда праздничный даже в будни, сверкал красками всех своих трехсот пятидесяти разноцветных крыш, крылечек, стен и переплетов широченных оконных рам. Давно знакомый мне поселок был почти неузнаваем — так все тут изменилось, умножилось, принарядилось за последние пять лет. К ста коттеджам, построенным в девятом пятилетии, за минувшее десятилетие прибавились еще семьдесят шесть!

Каждый дом, каждая улица — заглядишься.

Ну, например, как не умилиться такой картиной: синее морозное небо, алые скаты высокой равнобедренной кровли, веселые стены орехового или каштанового цвета, синие, как небо, стекла веранды, ярко-зеленый, чуть заиндевевший газон (ночь застелила его белым пуховым покрывалом) и рыжая веселая лошадь, играючи таскающая однолемешный плужок: хозяин усадьбы поднимает позднюю зябь под новый розарий. А рядом — дремлющие яблони, рябины, конусообразные туи и прочие деревья, пород которых без листьев не определить.

Так выглядит отстроенная и все еще бурно строящаяся — новые улицы в солнечных лесах и стружке — Лабунава, победитель во Всесоюзном соревновании лучших сел и деревень.

На доме табличка: «Здесь живет почетный колхозник, ветеран труда...» Еще табличка: «Образцовый дом». И вправду образцовый. Проект явно индивидуальный, вокруг газон, цветники, купы деревьев, дорожки из плиток. Декоративный бассейн с фонтанчиками сверкает льдом. Розы заботливо укутаны до весны...

— Но где же дом человека, ради которого мы приехали?

Секретарь колхозной партакчейки Альфонсас явно смущен:

— Женсовет собирается только вечером, кандидатур несколько, так что потерпите...

Сегодня Лабунава, весь колхоз «Риту аушра» гудит, как растревоженный улей: минул еще год, и настал день, в который вот уже шестой раз будет определен лучший глава семейства. Да, в колхозе есть свои лауреаты в каждой отрасли хозяйства, давно учреждены призы лучшему в году механизатору, животноводу, растениеводу, шоферу, специалисту, домовладельцу...

Смех смехом, но самый престижный приз здесь — «Лучшему отцу». Прекрасный приз вырезан из твердого, как алмаз, куска старой

ПЕРВЫЙ ПАПА

«Что сегодня придумал папа!» В доме Грибенасов остались только младшие, остальные дети выросли, разлетелись...

НА ДЕРЕВНЕ ►

ГАРМОНИ

ЭТЮДЫ о будущем

Академик В. М. ГЛУШКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственных премий

Гуманитарное образование — плохой помощник, когда дело доходит до науки точной. Тем более такой, как кибернетика (наука об общих законах получения, хранения, передачи и преобразования информации в сложных управляющих системах). Готовясь к беседе с директором Киевского института кибернетики Украинской Академии наук, академиком В. М. ГЛУШКОВЫМ, я отправился в библиотеку, и по мере того, как перебирал аккуратно прошитые металлические стержнем карточки, все больше овладевало мною отчаяние. Не говорю уж о специальной литературе — популярной написано о кибернетике столько...

Может быть, и начать с этого, многим, если не всем знакомому, пугающего чувства собственного бессилия перед изобилием того, что сегодня мы называем печатной продукцией?

Только представить себе — в мире существует около трех тысяч языков, больше тридцати двух миллионов названий книг, и число это ежегодно увеличивается на полмиллиона! Через каких-нибудь полтора-два десятилетия по нынешним меркам чуть ли не все население планеты превратится в сотрудников НИИ, будет производить информацию, писать книги, брошюры, статьи, рефераты, а кроме того, огромными, космическими темпами растет количество политической, документальной, художественной литературы... Не затопит ли этот бушующий океан наших потомков, сможем ли мы справиться, каким-то образом его обуздать? Сможет ли океан этот, образно выражаясь, поместиться на книжных полках, в хранилищах, в архивах — в том их виде, к которому мы привыкли? И еще много, много других «ли»...

— Прежде всего, — говорит Виктор Михайлович, — библиотека, мне думается, — это не только хранение, но и передача и преобразование информации. Интересно было бы побеседовать не только о библиотеке в целом, но и о том, что будет в ней храниться, заглянуть, так сказать, на ее полки?..

— Конечно.

— Но в начале — как я себе представляю библиотеку будущего вообще, работу с ней.

яблони. Не хрусталь, не латунь — темное яблоневое тело, искусно обработанное резчиком: тут и солнышко с лепестками лучей, напоминающее вырванный подсолнечник, оно усмехается в ячменные усы, а рядом с усатым солнцем фигурки ласковых детей и хромированная стальная дощечка, на которой гравером записаны имена тех, кто является образцом поведения в семье, кто ведет корабль домашнего счастья верным курсом.

Глава дома, отец — как это много! Помню, как в детстве у нас в заволжском селе папку называли «хлебушком». Но не было в нашем детстве хлебушка, все папки наши воевали. Отец — и кормилец, и добытчик, и защитник, и первый учитель, первый тренер, первый судья. Отцы в Лабуне пашут, водят машины колхозного автопарка, строят прекрасные коттеджи, бани, дороги и, к счастью, никуда не уезжают надолго, потому что войны нет. Отцы лабунской детворы всегда дома: в поле, лесу, на покосах, фермах.

Весело и очень дружно живут в колхозе «Риту аушра». Не потому ли тут, кроме прочих разных разностей, придумали всем миром звание «Лучший отец». Хитрые люди — те, что придумали. Звание это, конечно же, воспитывает прежде всего взрослых, мужчин. Детям и женщинам — все шуточки, им невдомек, как год целый взрослое мужское население Лабунвы тщится набрать «очки» до декабря, чтобы захватить лидерство в борьбе, прямо скажем, в соперничестве за право называться лучшим главою семьи!..

Пока готовился к пленарному заседанию женсовет колхоза, мы познакомились с обладателями переходящего приза «Лучшему отцу». Первым был Винцас Грибенас — комбайнер, отец семерых тогда детей, успевший еще и дом свой отстроить и усадьбу держать в порядке, хотя дети тогда, шесть лет назад, были мал мала меньше. Но Винцас себя не жалел и чуть было не превратил приз переходящий в постоянный, так как удерживал занятую «морально-бытовую» высоту два года подряд. И не только потому, что число детей довел до девяти, а просто любил в колхозе Винцаса — прекрасного комбайнера, заботливого семьянина.

Тем не менее третье голосование склонило чашу весов в пользу рабочего на ферме Стасиса Корейва, и приз стал переходящим. За Стасиса «голосовала» молва доярков. Он, несмотря на автоматизацию нового комплекса, настолько неформально отдавался животноводческому делу, что, будучи в ранге скотника, охотливо способствовал и полной механизации дойного зала и повышению надоев, но и про собственный дом, свою семью не забывал: отец троих детей — построился за восемь месяцев, всех удивил.

А как было не отметить женсовету, чутко улавливающему настроение в поселке, главного бухгалтера Повеласа Планчунаса, когда он, вдовец с двумя детьми, принял под свою надежную крышу Ванду с ее тремя. «Настоящий мужчина», — восторженно сказал толстокожий третьеклассник Аудрис, сын Планчунаса.

Был призером и механик Альгирдас Барнаускас. Правда, трудно сказать, что ему помогло в победе больше всего. Своих четверых давно поставил на ноги, всех в люди вывел, а теперь новая забота — пять внуков! Но Альгирдас так энергичен и молод, что тут внуков, очевидно, по инерции рассматривают как его собственных детей.

Нынешний призер — это Витаутас Номейка, механизатор. Он доказал, что даже если в доме три дочки («Четыре», — поправил Витаутас, имея в виду нежную жену Фелицию!), можно оставаться и заботливым отцом и домоседом. Вся Лабунва припадает к окнам, когда Витаутас шествует во главе своего женского коллектива. Наверное, в такие минуты и родилось мнение: «Лучший, никаких сомнений...»

А вот что выявило летучее, прямо на улице, интервью с детьми Лабунвы, которые на один-единственный вопрос: кого можно считать примерным мужчиной, лучшим папой, — ответили:

— Лучший папа — мой, потому что нас у него двое, а он победил Грибенасов, хотя их целая футбольная команда.

— Мой самый-самый! Он еще когда жених был, то обещал маму на руках носить, но она быстро выросла, и папа носил меня, а теперь сестру.

— Наш папа... Хотя он еще не купил нам овчарского щенка.

— Папа еще не чемпион, но когда Андриус родится — посмотрим!

— Наш настоящий мужчина, он даже на охоте промазал в зайца, и заяц убежал живой!

Когда члены женсовета собирались для обсуждения и вынесения веселого предновогоднего приговора мужчинам Лабунвы, я задал всем им тот же, «детский», вопрос о наиболее привлекательных признаках возможного побе-

дителя среди примерных отцов семейств. Все ответы прозвучали более чем категорически, просто-таки безапелляционно:

— Победит всегда чуткий, предупредительный мужчина. Рыцарь!

— По-моему, мужчина не только для своей семьи, для жены, но для всех в селе должен быть привлекательным...

— Идеальный мужчина — понимающий. Должен понимать прежде всего жену, сочувствовать ей и ее родственникам, поменьше возражать. Быть терпимым — значит быть сильным.

— Мужчина-общественник — это потеря для семьи. Но домосед типа хомячка не победитель в глазах односельчан, — так что идеальных нет!

— Веселый! Веселый муж — это праздник, который всегда с тобой!

Итак, двери в гостиную дома главного экономиста Ниёле Нарбутене распахнулись, и нам было объявлено имя лучшего в колхозе главы семьи:

— Людас Жирлис!

Папа-80, как тут заглазно и в глаза называют обладателей приза колхозного женсовета, молод, улыбчив, гостеприимен. Он водитель автокрана, человек в Лабуне практически незаменимый. Зарабатывает более чем прилично, безотказный работник. Отец двух милых детей — маленькой Аудроне и крепыша-школьника Эдвинаса. Жена Ниёле — бухгалтер. Дом у них двухэтажный, семь комнат. У Людаса с некоторых пор заболела старенькая мама, вся семья ухаживает за ней, особенно сам Людас. И это тоже учли в женсовете.

Так живут в ордена Трудового Красного Знамени литовском колхозе коммунистического труда «Риту аушра», что по-русски означает «Утренняя заря». Хорошо живут, весело, дружно — одной семьей. Я-то, грешным делом, все время думал, что лучшим отцом в Лабуне был и остается все четверть века председатель Генрикас Кретавичус. Все эти взрослые игры возможны в Лабуне лишь потому, что экономика колхоза устойчива и крепка. Несмотря на то, что угожья занимают всего-навсего три тысячи гектаров, здесь прекрасная молочная ферма со средним удоим, давно превысившим четыре тысячи двести килограммов, известная в республике и за ее пределами племенная свиноферма. В колхозе выращивают прекрасные семенники многолетних трав. В нынешнем, более чем неблагоприятном для полей году снова получили по двести восемьдесят центнеров мяса на сто гектаров угодий и по тысяче центнеров молока! Ежегодно увеличиваются почти на миллион рублей основные производственные фонды — главное общее богатство колхоза. Каждый рубль возвращается через год в кассу и приводит с собою еще тридцать три копейки — прибыли растут неуклонно. За пятилетие возросла и оплата рабочего дня — с шести до восьми рублей десяти копеек. Даже в том, неурожайном 1980 году. Конечно, дожди и ранние морозы не могли не сказаться на ходе полевых работ и на экономике, но они никак не сказались на благосостоянии колхозников и их семей.

Большая семья «Риту аушра», что в Кедайнском районе, живет, пожалуй, согласнее всех в республике. Именно поэтому я мысленно провозгласил отцом-призером беспокойного, всегда деятельного Генрикаса Кретавичуса, умеющего не только копить общественные деньги, но и активно, с выдумкой строить жилье, сумевшего создать такой привлекательный климат в Лабуне — новом литовском агрогородке, поднявшемся на месте бывшего хутора.

Бежит среди пыльных снегов быстрая речка Барупе — говорливая, она и в декабрьские морозы не остановилась. Устремлено вперед и быстрое течение жизни на берегах Барупе. Доносятся сюда звуки гимна во славу Гименей, который разучивает с ребятами музыкальный руководитель Стасис Вейчекаускас. Я видел, как старательно дуют в медные трубы мальчишки Лабунвы, хотя уважаемому дирижеру папаше Стасису уже не получить приза, а ребятам еще рано о нем думать.

Ю ПОВЕРИТЬ КИБЕРНЕТИКОЙ ?

При помощи люминесцентных экранов, экранов на жидких кристаллах и копирующих устройств человек сможет наконец раз и навсегда подчинить себе информацию, с какой бы скоростью и в каких бы пропорциях она ни росла. Я имею в виду то, что мы называем печатной продукцией. Она ведь тоже в немалой степени способствует, если так можно выразиться, стрессу, психическому переутомлению...

В одной из японских исследовательских лабораторий разработана голографическая память, способная вместить 2500 знаков в кружке диаметром в половину миллиметра. Это дает возможность хранить информацию примерно в десять миллионов знаков в объеме, занимаемом двумя почтовыми марками. Время ее считывания — миллионные доли секунды.

В нашем институте при помощи электронного пучка мы можем записать все тридцать томов Большой Советской Энциклопедии на пластинке размером со спичечную этикетку. Это, конечно, не рекорд. Проблема хранения принципиально решена. Ведь век бумажной книги недалек. Кроме того, давно уже говорят о нехватке бумаги, дерева...

Теперь о передаче и преобразовании. Думаю, что уже при ныне живущем поколении пульты создаваемой сейчас Единой информационной системы станут такими же привычными, как телевизоры, телефоны или стиральные машины. Буквально сразу после запроса абонента на дисплей, телеэкран его домашнего пульта будет выдана любая книга, журнал, газета, манускрипт, брошюра из библиотеки имени В. И. Ленина, из крупнейших библиотек мира. Будут для этого и карманные дисплеи, нечто вроде сегодняшних счетных компьютеров, которыми пользуются уже школьники. Теперь войдем в хранилище и заглянем на полки...

— И увидим там вместо книг тысячи, миллионы пластинок?

— Нет, будут и настоящие, живые книги... Копии нужных вам страниц, газет или журналов можно будет получить и в самой библиотеке и у себя дома, у своего пульта. Копии будут обычными, бумажными — человек ведь уже крепко привык читать в автобусах и метро, в парках и у реки, — тут, скорей всего книгу дисплеи не смогут заменить... Хотя повторю, в мире огромная нехватка бумаги, и нужно ее всячески экономить, издавать, к примеру, лишь классику, подарочные издания... Ну обязательны ли, скажем, журналисту, ученому или писателю бумага, чернила, копирка, лента, если можно будет писать сразу на экране, там же править, редактировать, специальными клавишами раздвигать слова, убирать лишние? Исчезнет само понятие черновика. Естественно, по желанию можно будет восстановить ход работы.

Да и логически рассудить — не всегда же бумага служила человеку. И на песке писали, и на скалах, и на папирусе... Ничто не вечно под луной.

— Наши потомки не услышат волшебного шелеста страниц, их запаха, слаще которого с раннего детства у нас ничего не было. Меня это пугает, хотя я понимаю, что мысля сугубо современными категориями, привычками, ассоциациями... Вы сказали: издавать, к примеру, лишь классику. Вы имели в виду и уже созданное и то, чему предстоит появиться на свет?

— Безусловно.

— Кто из поэтов и писателей вам ближе, Виктор Михайлович?

— Пушкин, Блок, Некрасов, Гете, Достоевский, Толстой, Хемингуэй, понятен, близок мне мир Шолохова, я сам из казаков... Часто спрашивают насчет фантастов — с удовольствием перечитываю Жюль Верна, Уэллса...

— И вы полагаете, что им в творчестве могла бы помочь электронно-вычислительная машина?

— Теоретически — да. Нильс Бор заметил как-то, что нет более практичной вещи, чем хорошая теория.

Но начать эту тему мне хотелось бы с понятия социального заказа. Как говорится,

спрос рождает предложение. В последние годы роботы в некоторых областях стали уже необходимы. Прежде всего это тяжелый физический труд, труд домашней хозяйки, вахтера; я уж не говорю о труде, в котором сегодня еще платят надбавку за вредность, об исследованиях дна океана, космоса... И многое кибернетикой тут уже сделано, хотя, безусловно, предстоит сделать гораздо больше. Но главное — ясны многие принципы, направления, в которых следует работать.

В отношении же творчества такого социального заказа от общества еще не поступало, хотя электронно-вычислительные машины смещают, даже меняют некоторые понятия, и то, что еще совсем недавно считалось творчеством, сегодня уже бессмысленно делать человеку, возьмем, к примеру, обязанности ассистентов грессмейстеров, которые в перерывах между партиями продумывают возможные комбинации...

Прежде всего искусственный интеллект, интеллект машины — это память, с которой уже сегодня ни одна человеческая не сравнится. В человеческом мозгу около четырнадцати миллиардов нейронов. Если один нейрон считать равным одному машинному элементу (включая элементы памяти), то машина уже сравнялась с человеческим мозгом. Однако ей ведь не нужны ассоциации, кладовые, пассивный запас — в машине все активно, в любой момент готово к действию. Как, допустим, компьютер сможет помочь поэту? К нужному слову сразу выдать множество, если не все существующие, возможные в языке рифмы. Останется лишь выбрать из них по слуху, по вкусу...

— Точные, неточные, ассоциативные, ассоциативные? Полный ассортимент...

— ...Во всяком случае, из тех, которые когда-нибудь кем-нибудь из поэтов уже употреблялись. Это несложно для машины. И сама ЭВМ сочиняет — и стихи и прозу. Я уже приводил кому-то из журналистов такие вот строчки:

Пока слепо плыл сон над разбитыми надеждами,
Космос кровью сочился над разбитой любовью,
Был из скрытых людей свет твой медленно изгнан...

— Прямо экспрессионизм каной-то! Воображение завидное...

— Пишет и в других стилях и с рифмами, порой неожиданными, звучными. До двухсот четверостиший в минуту выдать может.

— Но скорость, правильный размер, рифмы — еще далеко не все в поэзии. Хотя что-то в приведенных вами строчках все-таки есть...

— Нет, не преувеличивайте. Несмотря на разбитые надежды, любовь и кровь, от них веет холодом, они мертвы. Но машине пока больше теоретически доступны и запахи, и слуховая и зрительная информация... Отвлечемся немного от литературного творчества — по сути, ведь все виды творчества близки друг другу. Давно известно, что всего три краски — синяя, желтая и красная — дают богатейшие оттенки. Можно, скажем, с репинских бурлаков или с «Утра стрелецкой казни» снять три копии в основных цветах, разделить полотно на клеточки и их яркость выразить численно, при помощи всего лишь двух цифр — нуля и единицы.

Вам не больно слышать о том, что гениальные полотна Куинджи тускнеют, что они уже далеко не те, которыми восхищалась Россия, за которыми на выставке люди искали спрятанные лампочки? А при помощи двоичного алфавита можно оставить даже самым далеким нашим потомкам, которые, возможно, и на нас-то не будут похожи, любое творение в первоизданном виде.

— А нужны ли будут им, на нас непохожим, наши творения?

— Отвечу вопросом: нам нужны наскальные рисунки? Нужны ведь... Я уверен, что компьютер сможет и помочь поэтам, писателям, художникам, композиторам... Особенно

композиторам. Нотный язык, алфавит которого составляют всего семь знаков, очень прост. От машины не может укрыться ни одного, даже самого тонкого нюанса, намека на звук. В ЭВМ вводили ноты Баха, Чайковского... Компьютер тщательно и невероятно быстро переводил их в двоичный алфавит, анализировал и на их базе импровизировал сам — профессиональные музыканты порой не могут отличить, во всяком случае, сомневаются.

В Москве есть лаборатория, в которой уже сейчас машина помогает композиторам в аранжировке, разложении мелодии на огромный оркестр со множеством инструментов; машине доступны даже неизвестные человеку тембры, причем делает она все это моментально, сразу можно услышать, как будет звучать в концертном зале сочиненная мелодия.

Уже довольно давно электронно-вычислительная машина занимается переводом. В системе «Гарни», созданной в Ереванском университете, реализован алгоритм русско-армянского перевода с русским математическим словарем в шесть тысяч слов. В японской системе «Ямато», построенной для перевода с английского, хранится восемь тысяч английских слов, больше тысячи грамматических правил с их японскими эквивалентами, около четырехсот идиом и фраз.

Компьютер анализирует литературные стили. Литературоведам нередко приходится встречаться с произведениями, которые, допустим, десятки раз переписывались или — что, естественно, во много раз усложняет задачу компьютера — передавались из уст в уста.

— И все-таки это машинальная — раньше в переносном, а теперь и в прямом смысле слова — работа. Что же касается творчества...

— Что касается творчества, мы пока еще не совсем точно себе представляем, что это такое. Вот в чем трудность. Закономерности этого процесса изучены лишь в простых случаях. Даже женскую красоту машина еще не научилась распознавать. Как-то поручили ей создать собирательный образ красавицы. Ждали чего-то потрясающего. Компьютер взял от известных ему женщин то, что считалось в них самым красивым, — глаза Софии Лорен, подбородок Брижит Бардо, волосы не помню уж чьи... Получился монстр.

Много еще понадобится усилий, чтобы понять, каким чудодейственным образом соединяются в человеческом мозгу эти самые духовно животворные, если можно так сказать, ячейки, по каким законам и правилам. Но исследования ведутся, и ученые добились уже кое-каких результатов.

Перспективны в этом смысле системы с обратной связью, так называемые нейро-электронные системы — это своеобразный симбиоз электронной техники и живого организма. Суть их в том, что ЭВМ сперва анализирует состояние организма, а затем посылает в мозг управляющие сигналы через наложенные на голову электроды или воздействуя ультразвуком, электромагнитным излучением. С помощью таких систем можно будет не только предотвращать или снимать утомление, стресс, но и компьютер как бы начинать всей информацией, скопленной мозгом. Машина в определенном смысле сможет мыслить подобно человеку — так же преобразовывать, преломлять в своей неповторимой призма внешний мир, ощущать его. И, следовательно, если данный человеческий мозг творческий, то и машина сможет творить. Представьте себе: инженеры, конструкторы, люди всех творческих профессий увеличат мощность и объем своего мозга в миллионы раз! Разграничить мышление человека и действие компьютера станет невозможно, да и не нужно. Машина сможет продолжать работу человеческого мозга...

— И что же, теоретически ЭВМ, подключив ее к мозгу Пушкина, смогла бы сочинить «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»?

— Пока только теоретически.

— Вы говорите о симбиозе, другими словами, о постоянном совещании, диалоге человека с умнейшим, образованнейшим собеседником — машина уже понимает человеческую речь, обладает лексиконом богаче, чем у некоторых людей, в тысячу слов. Недавно мне пришлось беседовать с одним из крупнейших писателей, аргентинцем Хулио Кортасаром. Он сказал, в частности, что одиночество — непереносимое, и возможно, главное условие всякого творчества и особенно писательства. Как же быть с этим? Разложи творчество, талант, человека на составные части, постигни его — не разломится ли на столько же частиц тот «магический кристалл», сквозь который Александр Сергеевич «неясно различал» «даль свободного романа»?

— Определенно ответить я на этот вопрос затрудняюсь, но не думаю. В пользу же симбиоза не сомневаюсь. Допустим даже, что машина неспособна фантазировать. (Хотя сейчас ясно, что это не так, и, к примеру, в подборе расцветок для тканей уже существует потребность каким-то образом сдерживать водопад идей и предложений компьютера.) Сколько пользы могли бы принести электронно-вычислительные машины, если бы человек действительно научился полностью копировать работу мозга, а затем воспроизводить ее, возможно, передавать другим людям, оставлять по необходимости на века... Не нужно, думаю, перечислять здесь те гениальные умы человечества, которые прекратили работу, далеко не исчерпав своих возможностей.

— Зашифровывать мозг, подобно картинам, при помощи нуля и единицы? Но картины — конечный итог, продукт всего человеческого существования, и что главное в нем — не ясно. Снова мы возвращаемся к чувствам, к эмоциям... Лев Толстой говорил, что «всегда останавливал себя, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца»...

— При полном переходе интеллекта человека в машину скорее всего туда перейдут и чувства его и даже эмоции...

— ?!

— Да, да, эмоции, причем не только внешние: «рассмешить» компьютер анекдотом определенного уровня, пошлба, так сказать, можно и сейчас, — но и внутренние, самые, возможно, потаенные.

В мозгу животного обнаружено более двухсот точек, воздействуя на которые можно заставить его открывать или закрывать глаза, испытывать страх или ярость... Возможным это стало после того, как было установлено, что мозг животного не хаос, а система. Не исключено, что в будущем ученые смогут воздействовать через «электронный мозг» таким же и еще гораздо более сложным образом на мозг человека, на его творческие точки.

— Да... Откровенно говоря, я не завидую нашим потомкам, Виктор Михайлович. Как вы думаете — не лишит ли искусственный интеллект человека счастья, подобного тому, которое вы сами испытали на Клухорском перевале, когда вдруг вас осенило решение теоремы, над которой вы бились и день и ночь в течение трех лет? Не лишится ли человек с такими хотя бы помощниками, как беспредельная электронная память, самого огромного в нашей жизни наслаждения — наслаждения высшего напряжения памяти, нервов, образного мышления?

— Опять-таки не могу вам ответить определенно. Больше это касается психологов, философов... И потом — все-таки это еще далекое будущее.

— Да, но время с каждым годом — во всяком случае, нам так кажется, — летит все быстрее, и недалек уже двадцать первый век... Ученый, математик, работающий над проблемами, способными, не преувеличивая, изменить мир, обязан быть и психологом, и философом, и гуманистом... История уже знает трагические примеры, когда...

— Да, я понимаю вас. Далековато мы ушли от библиотеки будущего. Вы говорите об ответственности ученого. Думаю, что человек — как бы ни называл он себя — гомо сапиенс (человек разумный) или гомо сапиентиссимус (человек мудрейший), — сама природа его не позволит победить себя машинам.

После изобретения колеса, велосипеда говорили, даже уверены были некоторые, что бегать, пешком ходить в скором будущем человек и вовсе не будет. Но ведь и ходит, и бегают, и рекорды чуть ли не фантастические ставит по бегу...

Вы знаете — я верю, каких бы совершенных, немислимых машин ни изобрели в будущем, каких бы электронных гениев ни создали, ребенок, как и тысячи людских поколений, как и полмиллиона лет назад, будет падать, обдирая коленки и ладошки о камни на дороге, будет снова вставать...

Беседу вел Сергей МАРКОВ.

Батумский порт отгружает нефть.
Фото Н. Анастасьева (ТАСС)

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПЯТИЛЕТКИ

ДОЛГОЖДАННАЯ НЕФТЯНАЯ

ГРУЗИЯ

Небывало мощно по количеству и качеству выдала чайное сырье грузинская пятилетка в свой последний год — полмиллиона тонн! И почти две трети — первым сортом. Поначалу такое намечалось к концу одиннадцатой пятилетки. Но в республике рассчитали, сильно убыстрили темпы и сделали на пятилетие раньше. Неожиданность? Да. Но взята она с бою.

А вот другая и тоже боевая неожиданность. Впрочем, начнем с 1975 года, когда в Самгорской степи, под Тбилиси, забил мощный фонтан нефти. Знаете, сколько в Грузии искали нефть? Не менее ста лет! Незадолго до самгорского фонтана возникла драматическая ситуация: на коллегии Миннефтепрома решили ликвидировать трест «Грузнефть», однако вняли новым доводам грузинских геологов и дали на поиски еще три года. Самгорская высокодебитная зафонтанировала через год. Нефть отличная, белая. И тут же, с 1976-го, началась в Грузии ее первая долгожданная нефтяная пятилетка...

Скважина открывается за скважиной, людей не хватает, на самгорскую вахту буровики летают самолетами из Грозного и Краснодара. Попутный газ идет на Тбилисскую ГРЭС. Нефть — рядом с железной дорогой: прямо в цистерны и по рельсам! А тем временем тянется от Тбилиси к Черному морю, на Батумский нефтеперерабатывающий завод, новая труба... Новая? Да.

Вернемся мысленно в 1921 год. X съезд РКП(б). Завершая его заключительной речью, Владимир Ильич Ленин говорил: «Вы читали в газете об открывающемся нефтепроводе Баку — Тифлис? Вы прочтаете скоро о таком же нефтепроводе до Батума».

50 лет служил тот провод, по которому шла на технологические установки батумского завода знаменитая бакинская нефть. Но узон он стал, пропускать требуется больше. И нефть надо подавать уже не из Баку, а из Тбилиси. А это гораздо ближе.

«Вы читали в газете?..» Владимир Ильич был взволнован. Радостно взволнован. С той поры столько в нашей стране появилось нефтяных месторождений, столько проложено нефте-трасс. Вот и грузинская 425-километровая, небольшая, но очень нужная, вступила в строй перед XXVI съездом партии.

И. МЕСХИ,
сборкор «Огонька»

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПЯТИЛЕТКИ

ЛИТВА

НИТЬ ГЕДРЕ

Как некогда Ариадна, Гедре Пуоджюкайте тоже имеет дело с нитями, и все они в ее руках тоже становятся волшебными. Иногда даже выходят из повиновения. Вот что было недавно: вилась ниточка, из которых Гедре, подбирая нежные, светлые тона, стала ткать гобелен «Весна». Вилась-вилась, да вдруг и пошли по-своему, и в какой-то момент стало ясно, что не «Весна» получается, а «Осень» — ранняя, тоже нежная и светлая. Гедре не стала сопротивляться власти нитей и выткала «Осень». Гобелен, показанный в выставочном зале Вильнюса, радовал всех, кто его видел. Те же, кто знает Гедре, понимали — она вложила в свой труд частицу сердца художника: Гедре Пуоджюкайте известна именно как художница по гобеленам.

Есть в Вильнюсе Научный центр народного творчества, где Гедре руководит художественным отделом.

— Начинали мы четырнадцать лет назад как Дом народного творчества. Участвовали в создании общества народных мастеров, помогали людям не растерять основ национального искусства, — рассказывает Гедре. — Теперь же то давнее начало кажется крохотным родничком. Искусствоведы, люди, прошедшие прекрасную высшую школу, руководят ныне народными художниками. Это очень важно и очень нужно для того, чтоб их творчество не превратилось в серийное производство поделок.

В минувшем году Гедре и ее коллеги разыскали по всей Литве и собрали в Вильнюсе на семинар мастеров редкого в наши дни искусства — резчиков по камню. Оказывается, это древнее искусство никогда не увядало в Литве. Четырнадцать самых интересных работ были установлены в выставочном зале; на семинаре с резчиками занимались скульпторы и искусствоведы.

Нынче в Литве около двух тысяч народных художников, а кроме того, шесть тысяч мастеров местной промышленности. Их изделия с каждым годом становятся все выразительней и украшают интерьеры современных квартир.

Н. БОРИСОВА

Новый гобелен Гедре Пуоджюкайте.

Конверт был тщательно заклеен, как если бы автор письма опасался чужих глаз.

Воронова охватило неосознанное волнение. Герман Вольф никогда не писал ему писем. Что там могло быть, в этом шершавом, тяжелом конверте? Отказ Воронову от квартиры, со ссылкой на приезд кого-либо из родственников? Или письмо имело отношение к тому, последнему разговору с Вольфом?

Не без труда надорвав слишком жесткий конверт, Воронов вытащил несколько исписанных листков, сложенных вдвое. Сразу обратил внимание на то, что письмо написано четкими, большими буквами, автор, по-видимому, беспокоился, что иностранцу будет трудно прочесть скоропись.

Воронов перешел к противоположной стене прихожей, где висела лампа под матерчатым абажурчиком, повернул выключатель и стал читать письмо. Там было:

после того, последнего нашего разговора, дать Вам некоторые пояснения. У человека, которому принадлежал завод, ныне превращенный в развалины, есть еще два завода. Они расположены в одной из западных зон. Волей случая бомбежка не тронула эти заводы, оба они на ходу. Позавчера этот мой бывший хозяин приезжал в Потсдам посмотреть, что осталось от его здешнего завода, и вы знаете, что он сказал? Что не вложит ни пфеннига в восстановление этого завода — выгоднее построить новый.

И еще, как честный человек, не могу утаить от Вас, что он сказал, кроме этого: «Россия — сама в развалинах и не станет помогать нам восстанавливать наши заводы, она просто демонтирует то, что уцелело, и вывезет к себе». А вместе с этими жалкими остатками та же участь постигнет будто бы и нас — квалифицированных специалистов. Нам придется в Ва-

Побег

Александр ЧАКОВСКИЙ

У дома 8 на Шопенгауэрштрассе Гвоздков затормозил машину. Воронов нажал кнопку дверного звонка. Он не надеялся застать в это дневное время самого Вольфа, но полагал, что Грета наверняка дома.

Однако дверь ему никто не открыл. Воронов позвонил снова, приблизив ухо к двери, чтобы убедиться, работает ли звонок. Заглушенный дверью звук звонка он услышал отчетливо, но иных звуков не было. Значит, дома никого нет. Вспомнив, что у него есть свой ключ от этого дома, Воронов воспользовался им.

Да, внутри действительно никого не было. Что ж в этом удивительного? Вольф, очевидно, как всегда занят своей бесцельной работой на развалинах завода, а Грета, наверное, «промышляет» на черном рынке возле рейхстага или Бранденбургских ворот.

Станным показалось Воронову только одно: все шторы в доме были опущены. Дом вообще выглядел нежилым, но Воронов отметил это скорее подсознательно — ни Вольф, ни жена Вольфа сейчас совершенно не интересовали его. Он хотел знать только одно: нет ли для него записки от Чарли?

Обычно, если Вольфы хотели что-либо сообщить Воронову, то тоже оставляли записку на тумбочке в передней. Чаше всего это были высокопарные сообщения Греты насчет того, что дом их, «как всегда, к услугам герра майора».

Воронов включил свет в передней. Он не ошибся: на тумбочке лежало письмо. Да, именно не записка, а большой плотный конверт из серой шершавой бумаги, типичной для недавнего военного времени. На конверте большими аккуратными буквами было выведено: «ГЕРРУ ВОРОНОВУ М.». И внизу, в правом углу, уже мелкими буквами значилось: «От Германа Вольфа».

Отрывок из романа. Полностью роман будет опубликован в журнале «Знамя» №№ 1, 2.

«Глубокоуважаемый господин Воронов! Когда Вы прочтете это письмо, нас здесь уже не будет. Мы — Грета и я — уехали на Запад. Мне трудно было написать эту последнюю строчку, потому что я понимаю, какой особый смысл Вы в ней почувствуете. Но я покорнейше прошу, майн герр, не придавать нашему решению никакого значения, кроме одного, единственно правильного. Я больше не могу жить без работы. Есть люди, которые устают от нее, а меня мучает фактическое безделье, бесцельность того, чем я занимаюсь сейчас. Мне стыдно, что Вы застали меня за этой «работой». Может быть, Вы думаете, что для нас, немцев, самое главное в жизни всегда заключается в войнах, в том, чтобы, как говорил этот проклятый Гитлер, «расширять свое жизненное пространство». Мне не было тесно в моем доме, хватало и тех нескольких метров площади, которые занимал когда-то мой станок. А потом, когда я стал мастером цеха, моим пространством стал весь цех. Мало? Может быть, для кого-то и мало, а по мне — в самый раз. Я всегда считал, что человек должен жить «вглубь», а не «вширь». Мой брат, погибший за тысячи километров от Берлина, наверное, тоже согласился бы с этим. Я заверяю Вас, что в душе каждого подлинного немца таится жажда труда. Страшные люди — к несчастью, они тоже были немцами — могли многих из нас заставить или уговорить убивать других людей, заменить один труд, подлинный, другим, мнимым и кровавым. Но сейчас, получив столь ужасный урок, мы хотим только одного: трудиться. Я трудился всю свою жизнь, хотя теперь сознаю, что результаты моего труда в разное время были разными. И все же я, Герман Вольф, всю свою сознательную жизнь оставался человеком труда. Был простым рабочим, стал мастером цеха. И поверьте, — это не похвальба, — высококвалифицированным мастером! Подумайте, каково мне, человеку, умеющему создавать и налаживать станки, привыкшему иметь дело с чертежами, с циркулем, штангелем и другими измерительными приборами, копаться в железной рухляди только потому, что моим рукам нет другого применения?

А теперь я считаю своим долгом, особенно

шей стране отрабатывать нацистские грехи...

Впрочем, это уже вопрос политики. Я плохо в ней разбираюсь, всегда стоял от нее в стороне.

За несчастья, причиненные немцами Вашей стране, я уже заплатил жизнью своего единственного брата. Но дело сейчас не в том. Поверьте, только одно заставило меня принять решение, о котором Вы теперь знаете: уверенность, что на следующий же день после переезда на Запад я смогу войти в цех, где мне все так знакомо. Завод, о котором идет речь, аналогичен здешнему, и мне предложено там место мастера такого же цеха. Хозяин знает меня давно. Знает и то, что я хочу и умею работать...

Словом — поймите меня! — я хочу жить в привычной обстановке и заниматься привычным трудом. Это главная и единственная причина. Ну, вот и все. А дом мой пока по-прежнему в Вашем распоряжении. Разница только в том, что Грета не будет теперь одолевать Вас своими глупыми, навязчивыми разговорами. Что будет с этим домом дальше, вы, если захотите, сможете узнать у Ваших оккупационных властей. Впрочем, вряд ли это Вас интересует, — ведь очень скоро Вы вернетесь к себе домой.

И самое последнее: спасибо Вам, многоуважаемый герр Воронов, за тот последний разговор. Мне очень грустно сознавать, что теперь Вы наверняка решите, будто говорили со мной напрасно.

До свидания. Или, может быть, прощайте? Вряд ли в водвороте этой грозной, исковерканной, неустроенной жизни бог снова сведет нас. Прощайте!

С глубоким уважением

Герман Вольф.

P. S. Грета тоже шлет лучшие пожелания «герру майору».

Если бы мне кто-нибудь раньше сказал, что отъезд Вольфа произведет на меня такое тяжелое, гнетущее даже, впечатление, я бы не поверил. Какое-то время я стоял ошеломленный, безотчетно повторяя про себя: «Уехал... все-таки уехал!..»

Много лет спустя, восстанавливая в памяти эти минуты, глядя на себя как бы со стороны, я никак не мог понять до конца, что именно так потрясло меня тогда. В сущности, я ведь почти не знал этого Вольфа. Один или два раза выпил с ним по чашке кофе. И тот, последний разговор...

Да, очевидно, мое потрясение, вызванное отъездом Вольфов, имело определенную связь с нашим последним разговором. К тому, что Вольф каждое утро отправляется на работу, как обнаружилось, совершенно бессмысленную, я отнесся тогда как к парадоксу, чудачеству. «Загадка Вольфа»? Ну и шут с ней, с этой «загадкой», решил я, занятый делами куда большей важности. И не очень-то задумываясь над ответами на главные вопросы, терзавшие душу Вольфа: «Что будет с Германией?.. Что будет с нами дальше?..» Отвечал в общем-то правильно, как ответил бы, наверное, любой наш политработник, «проводя разъяснительную работу с местным населением». А надо было бы поискать какие-то другие, более сердечные, что ли, человеческие слова. И я нашел бы их, нашел, если бы хоть на миг мелькнула мысль о том, что Вольф может покинуть нашу, советскую зону...

Нет, я ни в чем не обманывал его, говорил то, во что верил сам. И мне показалось, что убедил Вольфа, рассеял все его сомнения. Долгое время после того ощущал я пожатие его руки — сначала неуверенное, потом становящееся все сильнее... Даже счел уместным рассказать об этом Вольфе Сталину, когда решалась моя судьба. А теперь вот бывший хозяин поманил Вольфа пальцем, и он уехал к нему.

«Хозяин!» — казнил я себя. Нет, это ты, ты виноват, а не какой-то там хозяин! Не нашел настоящих слов. Ну, был вежлив с ним, уважителен, — он и в самом деле внушал уважение, этот Вольф, своим достоинством рабочего человека, полным отсутствием искательства, даже своим маниакальным пристрастием к труду. А на большее его не хватило. И тебя на большее не хватило. Ты, кажется, даже любовался собой: смотрите, мол, офицер армии-победительницы и так вежливо разговаривает с владельцем немецкого дома! Будто пришел к нему в гости на правах старого знакомого...

Мне было горько сознавать, что никогда больше не увижу Вольфа. Стоя тогда в полутемной передней пустого дома, я был бы рад новой встрече даже с невыносимо говорливой Гретой.

Но их не было. Никого не было. Ни Вольфа, ни Греты. Я упустил их, потому что смотрел на земных людей из заоблачных высот...

Потом я попытался уговорить себя, убедить, что придаю отъезду Вольфа неоправданное значение. Какой-то там немец переехал из одной зоны в другую, подумаешь! Да их сейчас тысячи, десятки тысяч заполняют дороги Германии — на повозках, пешком, редко на машинах — в поисках работы, продовольствия, затерявшихся где-то родственников — таковы последствия войны! Наверное, пройдет немало времени, прежде чем это взбаламученное человеческое море успокоится, уляжется в привычные берега...

Так говорил я себе в утешение. И все-таки хотелось понять, чего он испугался? Социализма? Но Вольф не был капиталистом, потеря собственности не грозила ему. Наказания за преступления, совершенные его соотечественниками? Но мы столько раз в наших газетах, листовках, по радио повторяли сталинские слова о том, что гитлеры приходят и уходят, а Германия, народ германский остаются. Повторил эти слова и я в том разговоре. И у Вольфа не было оснований заподозрить меня в неискренности. Но он жаждал осмысленной работы, соответствующей его квалификации. Все дело, кажется, только в этом...

Я положил письмо в карман и медленно поднялся в свою мансарду. Там все как будто было по-прежнему. На столе — знакомая чернильница и ручки. Вот стул, на котором сидел Вольф, когда я, уступив ему место во время нашей беседы, пересел на кровать. И кровать,

как обычно, аккуратно застелена... Впрочем, на ней чего-то не хватает — нет перины и одной из двух подушек. Видимо, уезжая, Вольфы все же захватили с собой самое необходимое.

Я спустился вниз, с порога окинул взглядом столовую. Мебель там была на месте, только скатерть с обеденного стола исчезла. Интересно, увезла ли Грета с собой запасы своего чернорыночного «настоящего» кофе?..

Выйдя из дома, я запер ключом дверь и подумал: «А куда же мне теперь девать этот ключ?»

И как бы в ответ на мой мысленный вопрос, услышал голос:

— Герр майор!

Я даже вздрогнул от неожиданности — так всегда обращалась ко мне Грета Вольф. Но нет, это не ее голос!

Повернув на оклик голову, окончательно убедился в том, что голос принадлежит не Грете, а какой-то незнакомой мне женщине. Она стояла на крыльце соседнего дома, то есть почти рядом, в каких-нибудь пяти — семи метрах от меня. На ней был тонкий застиранный домашний халатик, на плечи накинут платок.

— Простите меня, герр майор, — продолжала эта женщина, спускаясь с невысокого крыльца, — я увидела машину и догадалась, что вы приехали. Фрау Вольф просила отдать ключ от их дома мне. Конечно, в том случае, если он вам не понадобится.

— Ключ мне больше не понадобится, — сухо произнес я. — И если вас просили...

— Да, да, — торопливо прервала меня женщина, — в доме осталась кое-какая обстановка. Грета сказала, что за ней скоро пришлют грузовик. Но если герру майору угодно, он может пока пользоваться всем.

— Возьмите, — сказал я, протягивая ей ключ. — До свидания.

— Мне надо что-нибудь передать Грете или Герману, если они здесь появятся? — вежливо осведомилась женщина.

— Передайте... — невольно вырвалось у меня, но я тут же взял себя в руки и сказал: — Нет, только ключ. Ничего больше передавать не надо. До свидания, — повторил я еще раз, уже открывая дверцу своей «эмки».

Машина тронулась по направлению к Берлину.

— Ну, как наш фриц поживает? — спросил после некоторого молчания старшина Гвоздков. — Все ходит железяки разбирать?

— Нет, — глядя на свои колени, сумрачно ответил Воронов. — Он уже не разбирает их. Уехал.

— Куда? — удивился старшина.

— В другую зону. К американцам или англичанам. Может быть, к французам. Точно не знаю.

Старшина слегка присвистнул.

— Вон его куда, значит, потянуло! Что ж, дело понятное. «Вольф» — это по-немецки «волк», кажется? — спросил он неожиданно. И, как бы отвечая самому себе, добавил: — Выходит, как волка ни корми...

— Ну, кормили мы его не так уж сытно, — сумрачно и все еще не поднимая головы, уточнил Воронов.

— А он что — в иждивенцы к нам записался, что ли? Хоть как-то, но мы кормим их. От солдат своих отрываем — от тех, кто в России с голодухи пухнет, я уже не говорю, — а кормим...

Он помолчал немного и снова вернулся к тому же:

— Со страху, наверное, убог. Хоть и знает, что нам приказано мирное население не трогать, а остерегаться, да и совесть, наверное, мучает... После того, что они на нашей земле натворили, им, полагаю, советскую военную форму видеть страшно.

— Сам Вольф ничего не натворил, — резко ответил Воронов. — Он обыкновенный, мирный немецкий рабочий.

— Все они теперь «мирные немецкие рабочие», товарищ майор, — ожесточенно возра-

зил Гвоздков. — Все мирные, все бывшие коммунисты, все в лагерях сидели и Гитлера кляли. Непонятно только, кто наши города и села порушил, кто мирных русских людей за ноги вешал и в огне сжигал?

В другое время Воронов оборвал бы Гвоздкова, как уже обрывал не однажды, когда тот пренебрежительно называл Вольфа «фрицем». Но теперь он промолчал, хотя гвоздковские «общения», после того как кончилась война, когда встала задача, по выражению Сталина, бороться за душу той Германии, которая хочет мирно трудиться, были попросту вредны.

А Гвоздков не унимался:

— Вот, товарищ майор! Ведь чего мы только для этих фрицев не делаем: кормим их, вместе с ними бок о бок улицы в Берлине расчищали, метро восстанавливаем, из России вагоны с продовольствием идут, хотя наши родные семьи все еще суп из лебеды жрут... Так нет же, мало им этого! К капиталистам бегут. Конечно, капитализм фашисту — вольфам всяким — поближе будет, чем Советская власть.

Воронов встрепенулся:

— Я вас просил, старшина Гвоздков, никогда не называть Вольфа фашистом. Для этого нет никаких оснований!

— Простите, товарищ майор, — покорно, но с явной обидой в голосе глухо откликнулся Гвоздков. И после паузы упрямо добавил: — А все-таки подозрительный он. Ей-богу, подозрительный! Потихоньку, как вор какой, к тем развалинам завода пробирался... А может, и не железки он там разбирал — это только предлог был, чтобы со своими встретиться... Ну, с вервольфами разными... Нет, товарищ майор, что вы ни говорите, а не было у меня к этому немцу доверия. Думаю, если бы в его душе поковыряться как следует...

— Две души у него, старшина, — задумчиво произнес Воронов.

— Во-во, о том и говорю! — воскликнул Гвоздков, обрадованный тем, что наконец-то нашел общий язык со своим начальником.

Разговорившись, он почти уткнулся радиатором «эмки» в американский «додж». На заднем борту этой машины белыми буквами было написано: «If you can read this, you are damn too close»¹.

— Что за надпись такая? — спросил Гвоздков, притормаживая.

— Это значит, что передок себе разбить можешь, — ответил Воронов. — Не держишь дистанцию.

— Учат!... — пренебрежительно процедил сквозь зубы Гвоздков и резко вывернул руль, объезжая американскую машину справа. — Считают, что русского Ваньку всему учить положено. Лучше бы на фронте показали, как воевать надо!..

Они въехали в Берлин.

— Куда курс держать? — деловито, как бы отсекая все сказанное им раньше, спросил Гвоздков.

— В Целлендорф. Пресс-клуб помнишь? Мы там бывали, — ответил Воронов.

— Это о котором у полицейского спрашивались?

— Тот самый.

— Мигом будем там, — пообещал Гвоздков, нажимая на акселератор...

В пресс-клубе, точнее, в его коридорах и библиотеке, куда Воронов имел доступ, его ждало разочарование. Знакомые и незнакомые журналисты первыми здоровались с ним — после поединка со Стюартом он и здесь стал более или менее известной фигурой, — но ни Османчика, ни Брайта найти ему не удалось.

Где жил Османчик, Воронов не знал. Квартиру Брайта, ту самую, расположенную над маленькой фотографией, куда они примчались с аэродрома Гатов после встречи Трумэна, Воронов, хотя и с трудом, но, наверное, сумел бы отыскать. Однако в этом не было никакого смысла. Брайт днем не сидит в своей облезлой квартире, заставленной картонными

¹ «Если ты в состоянии прочесть эту надпись, значит, едешь чертовски близко» (англ.).

«ТЕЛЕФОННАЯ БАРЫШНЯ» 1981

Она красивая, и у нее звучное имя — КЭ АТС. Рост баскетбольный, хорошие пропорции, мгновенная реакция. Она родилась в Риге, на производственном объединении ВЭФ. Таинственное ее имя расшифровывается так: квазиэлектронная автоматическая телефонная станция.

КЭ АТС — что это такое? Это новый вид телефонной станции, а называется квазиэлектронной потому, что она почти электронная: всеми видами соединения управляет специальная мини-ЭВМ, собранная на интегральных схемах третьего и четвертого поколений, а коммуникации разговорного тракта пока еще механические. Механика их — герметизированные контакты, заключенные в ампулы.

Теперь попробуйте воспользоваться услугами КЭ АТС. Вы снимаете телефонную трубку, а ЭВМ уже зарегистрировала ваш номер телефона и готова к дальнейшим действиям. Тем временем вы набираете номер — ЭВМ готовит нужный вам абонент и дает команду контактам разговорного тракта, тем самым, о которых речь шла выше. Контакты замкнулись, разговорный тракт создан — можете говорить «алло». Разумеется, все это происходит намного быстрее, чем самый короткий рассказ о действиях КЭ АТС, и почти без вмешательства человеческих рук, если не считать тех, кто снимет трубку и наберет номер.

На что же способна КЭ АТС? Она оказывает около 30 дополнительных видов телефонного обслуживания: установление прямой связи без набора номера; сокращенный набор номера; наведение справок во время разговора; временная переадресация разговора на другой номер; напоминание и многое в таком же роде. Если мы еще скажем, что КЭ АТС состоит из легких, красивых, выполненных из прессованного алюминия профилей и что станцию легко собрать на месте установки, то станет очевидным, что КЭ АТС — это весьма прогрессивная «телефон-

Руки работников ВЭФа искусно справляются со сборкой высококлассных магнитофонов (на снимке). Не подведут они и при освоении новой продукции — квазиэлектронных АТС.

ная барышня» конца двадцатого столетия. Летом 1980-го, олимпийского года первые ее варианты были установлены в Москве, в гостинице «Спорт», а также в АПН. Отзывы об их работе были самыми одобрительными.

Теперь осталось узнать: кто же ее «родители», то бишь авторы? Об этом спрашиваем Дайниса Эрнестовича Пекалеса, начальника технического отдела КБ коммутационной техники производственного объединения ВЭФ.

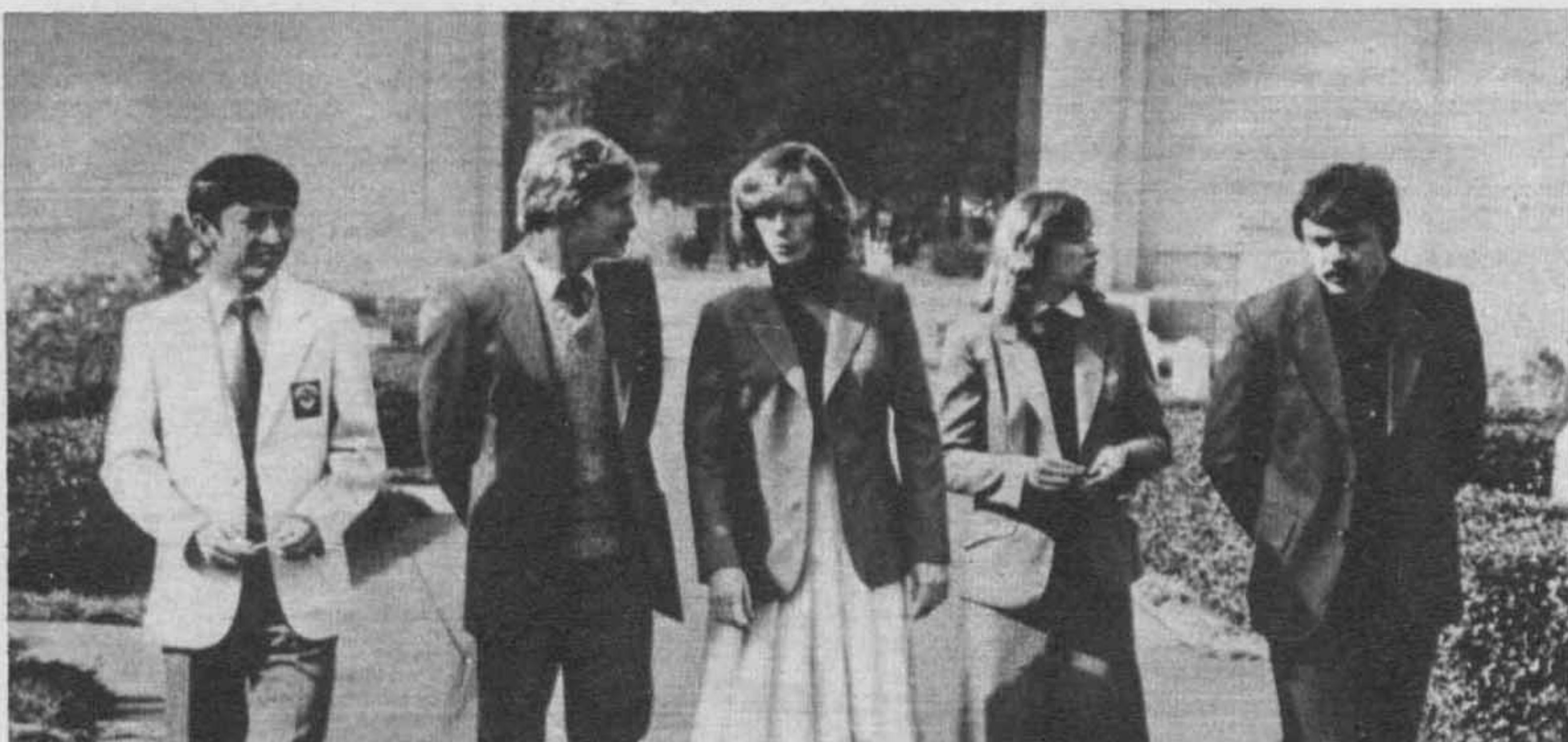
— Ответить на ваш вопрос невозможно, — говорит Дайнис Эрнестович. — В наше время в создании такой аппаратуры участвует, кроме КБ, весь коллектив объединения.

Н. СЕРГЕЕВА

Фото Б. Колесникова (ТАСС)

КАК ДОБЫВАЮТ ЗОЛОТО

Олимпийцы горного края.

Фото Е. Шлея (ТАСС)

Сам лорд Килланин подошел к штангисту Каныбеку Осмоналиеву, потомки киргизских чабанов, чтобы поздравить его и вручить золотую олимпийскую медаль. Взвился выше всех алый стяг Родины, мелодия Гимна Советского

Союза широко и торжественно разливалась по огромному залу Дворца спорта в Измайлове. Голоса спортивных комментаторов разносили по белу свету трудно произносимое иностранцами слово «Киргизия»: посланцы этой ма-

ленькой республики шесть раз занимали на Московской Олимпиаде призовые места, причем четырежды высшие.

Самую первую золотую медаль среди всех участников Олимпиады получил стрелок из Фрунзе Александр Мелентьев, выбив из произвольного пистолета 581 очко, установив тем самым олимпийский и мировой рекорд. Он порастил всех хладнокровием, выдержкой, но чего это ему стоило, знал в те минуты только его тренер Александр Курбанов. Он знал, что Саша в предстартовую ночь почти не спал (и это при его умении засыпать в любых условиях), что в последней серии он едва держался на ногах от усталости и скрытого волнения. И когда журналисты потом спросили Мелентьева: «Что было самым трудным?» — он ответил: «Победить себя». Я видел Александра Мелентьева на почетном пьедестале по телевидению и тогда подумал, что все олимпийцы — и победители и побежденные — это те же первопроходцы, исследующие мощь человеческого потенциала, подтверждающие безграничные возможности нашего с вами физического совершенствования...

Впервые Киргизия вышла на олимпийскую арену в Риме в 1960 году. Тогда единственный ее представитель Сайботалла Мурсалимов в конном троеборье занял пятое место, но был лучшим среди советских конников.

А в Москве, на Олимпиаде, уче-

ник Мурсалимова Александр Блинов на коне Галзуна завоевал золотую медаль в командном зачете, а в личном — большую серебряную. Ему тоже пришлось преодолевать себя, ведь после первого дня соревнований — манежной езды — он был лишь восемнадцатым. Но тренер верил в талант своего ученика и в способности Галзуна, которого он сам выпестовал.

Четвертую золотую медаль завоевала Татьяна Колпакова, прыгнув в последней попытке на 7 метров 6 сантиметров — новый олимпийский рекорд. И здесь борьба шла отчаянная. Впервые в истории Олимпиад несколько спортсменов «улетали» за семь метров, но Татьяна дальше всех. Ее подруга по команде Марина Сысоева в прыжках в высоту заняла пятое место и была здесь лучшей в советской команде. Наконец, героем марафона можно назвать Сатымкула Джуманазарова, хотя он награжден только бронзовой медалью. Однако нужно помнить, что награда в марафоне получена советской командой на Олимпийских играх впервые и что Сатымкул обошел многих титулованных соперников. Его земляки из села Кок-Тюбе могут им гордиться, как и весь советский спорт...

Маленькая Киргизия достигла олимпийских высот не только в социальном и индустриальном развитии, но и в спорте.

Ю. ВАСИЛЬЕВ

ящиками с бутылками виски, банками кофе и блоками сигарет.

Оставалась последняя надежда узнать хоть какие-нибудь подробности о посланцах Польши — Бюро Информации.

Вернувшись в машину, Воронов коротко приказал водителю:

— В Карлсхорст!

Ехали молча, пересекая Берлин с запада на восток. Их все время обгоняли американские машины: казалось, что люди, сидевшие за рулями «джипов», «виллис» или «доджей», просто не подозревали, что ездить можно и со средней скоростью. Зато недавно пущенные по городу трамваи ползли по рельсам, как черепахи. Обгоняя их, даже дисциплинированный Гвоздков позволял себе высказывать на левую сторону улицы.

Миновали столб с прибитым к нему листом фанеры, на котором было написано: «Вы покидаете американский сектор».

— Слава богу, — облегченно вздохнул Гвоздков.

Теперь «эмка» продолжала свой путь по той же Франкфуртер-аллее, но это был уже советский сектор. Впереди чинно следовали в два ряда хорошо знакомые Воронову полторы и трехтонки. Они везли какие-то бетонные трубы и металлические конструкции. «Вероятно, для восстановления метро», — подумал Воронов.

Стараясь выиграть во времени, Гвоздков свернул в переулок, — там хоть и узка проезжая часть дороги, зато она менее загромождена. Но, как назло, перед «эмкой» оказался очередной трамвай. Облезлый, грязно-желтый, со следами шпаклевки, вагон двигался медленно, даже, как показалось Воронову, нарочито медленно, и так как улица была настолько узкой, что обогнать его оказалось невозможно, старшина стал сигнализировать в надежде, что вагоновожатый убыстрит ход своей набитой людьми

колымаги. Однако тот либо был туговат на ухо, либо с немецкой аккуратностью выполнял инструкцию о скорости движения трамваев.

Эта улитка на колесах почему-то привлекала к себе внимание прохожих. Они то останавливались, то почти бегом обгоняли вагон и толпились там, впереди, что-то показывая друг другу. Советских военных среди толпящихся в переулке людей Воронов не замечал. Здесь были только немцы со своими продуктовыми сумками или с тележками, нагруженными домашним скарбом.

«Что за чертовщина! — выругался Воронов. — Чем привлекает внимание прохожих этот обшарпанный вагон?»

Наконец, он не выдержал. Открыл дверцу машины, на ходу выскочил из нее и быстрым шагом пошел вперед, обгоняя медленно ползущий трамвай.

Окончание следует.

1.

Георгий РОЗОВ,
фото автора

На окраине Саратова, неподалеку от Государственного подшипникового завода, выстроен большой девятиэтажный дом. Обычный дом, триста двадцать четыре квартиры, но для коллектива подшипникового завода заселение этого здания — событие. Здесь получили квартиры жители последнего из сорока четырех заводских барачков. С начала десятой пятилетки для работников завода были построены две тысячи квартир.

За суховатыми этими цифрами судьбы двух тысяч семей, радостные хлопоты новоселов. Вот почему хочу предложить читателям еще одну цифру. Только за последние два месяца 1980 года в Саратове отпраздновали новоселье больше трех тысяч семей.

1.

Ответственный квартироприемщик — кот Митя.

2.

И Дед Мороз вселяется.

3.

День радостных забот.

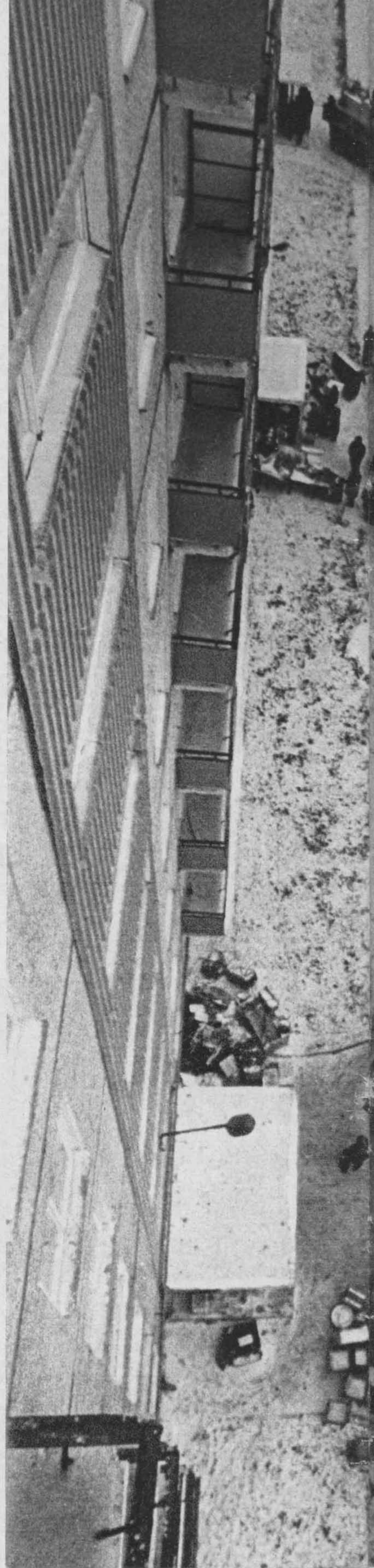
4.

С новосельем!

5.

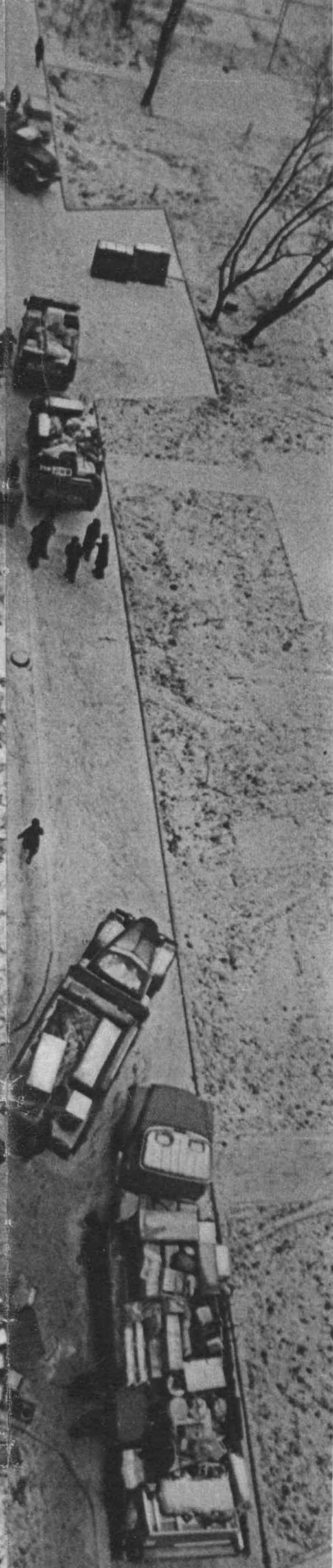
Притомилась.

3.

2.

НОВО

4.

СЕЛЪЕ

5.

МОЛДАВИЯ

ИНЖЕНЕРИЯ ПОЛЕЙ

Солнечная — так всегда называли и справедливо называют Молдавию. Десятая пятилетка, дела молдаван позволяют уточнить традиционный эпитет: солнечно-индустриальная! Индустриальные черты обрел давно знакомый пейзаж этого удивительного края. Геометрия полей, строгая графика виноградников, кубы и параллелепипеды животноводческих комплексов — все это внешние приметы преобразований, которыми гордятся трудящиеся республики. А ведь широко известно, что именно они являются заповедниками в походе за интенсивное сельское хозяйство на индустриальной основе.

Республика во всеоружии накопленного опыта встретила известное постановление ЦК КПСС о специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В республике были созданы научно-производственные объединения, аграрно-промышленные комплексы. Лучшие мастера урожая возглавили инженерно обустроенные севообороты. В завершающем году пятилетки такие прославленные руководители мехотрядов, как Герои Социалистического Труда Афанасий Таунчи и Савелий Пармакли, полностью освоили принципы новой организации труда на виноградниках и кукурузных плантациях, сократив до минимума ручные работы. Животворный процесс специализации и концентрации сельскохозяйственного производства изобилует наглядными, предметными уроками. Трудники Молдавии идут по пути, который партия назвала магистральным для нашего села, идут с отвагой первопроходцев и находят все новые поводы для глубоких размышлений. Сад-гигант «Память Ильичу» или поля-цехи Чадыр-Лунгского агропромышленного комплекса, объединение совхозов-заводов в Калараше или отлаженный учебно-производственный механизм совхоза-техникума в Гиске — все это адреса грандиозного эксперимента. Он был начат в Молдавии еще в девятой пятилетке, продолжен в десятой и устремлен всей своей прогрессивной сутью в грядущие годы.

На виноградниках — теплый снег. Картина для Молдавии необычная. Мудрый Афанасий Таунчи идет вдоль белых рядов спящих лоз. Он полон ожидания нового тепла, новой весны. Инженер урожая, Таунчи лелеет в себе чувство земли, чувство крестьянина.

Н. ШАТОВ

На снимке: Афанасий Никодимович Таунчи.
Фото Б. Кузьмина

ВЫ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ОКРЫЛЯЮЩАЯ ДАЛЬ

ИЗ ЛЕТОПИСИ
ПЯТИЛЕТКИ

ТАДЖИКИСТАН

«В Таджикской ССР... ввести новые мощности на алюминиевом заводе». Широкою перспективу открывают перед таджикскими творцами «крылатого металла» эти строки из проекта «Основных направлений».

Предприятие это крепко стало на ноги уже в десятой пятилетке. Увеличился объем выпускаемой продукции, совершенствуется само производство. Здесь все большую роль играет электронная техника.

Как известно, в мировой практике алюминий в чистом виде был получен в 1825 году. И хотя он значительно «старше» электронной техники, начало которой положено лишь в 1906 году изобретением триода, ныне их производственное содружество неразлучно, как бывает только у сверстников. Это наилучшим образом сказывается на работе Таджикского алюминиевого завода.

Новорожденный гигант цветной металлургии опекают ученые. Перспективный план внедрения средств автоматизации тут выработан с помощью ученых нескольких научно-исследовательских и проектных институтов и научных организаций. В выплавке алюминия предусмотрено использование вычислительных машин третьего поколения. Функция контроля за выпуском обожженных анодов передается безошибочным помощникам металлургов — компьютерам.

В. АФАНАСЬЕВ

На снимке: алюминий со Знаком качества.
Фото А. Поддубного (ТАСС)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На углу Вишняковского переулочка отпустили такси и долго смотрели на церковку, где теплились сквозь решетчатые узоры окон огоньки свечей, темнели фигуры старух на паперти, а вокруг, будто в тихом чужом городе, розовели стекла верхних этажей, розовел снег на карнизах, горели предзакатным солнцем кресты высоких куполов, до войны разрушенных, теперь обновленных, и галки с провинциальным щелканьем носились над колокольней. И Васильеву вдруг вспомнился промозглый ветер, холод, звезды, погромы хиванье железа на вершине колокольни, когда они октябрьской ночью сорок первого года возвращались с окопных работ под Можайском и, пройдя всю Москву, вышли по Новокузнецкой улице вот в этот переулочек, чтобы сократить путь к дому.

Только здесь, слева на углу, была раньше маленькая булочная-кондитерская в двухэтажном доме, куда неизменно бегали до войны за батонами и где весенними утрами тепло, сладко пахло новоиспеченным хлебом, и стояли здесь, в Вишняковском переулочке, крепкие купеческие дома с мезонинами, с травянистыми дворами, с дровяными сараями, на пышущих жаром толевых крышах которых гуляли голуби, вышедшие из сетчатых нагулов, а надменные коты в майские полдни лениво грелись на солнцепеке подоконников, подергивая ушами от сумасшедшего крика воробьиных свадеб в глубине разросшихся лип. В конце июня тополиная метель бушевала на улицах, в переулках, во всех тупичках Замоскворечья, пух нежной пеленой скользил по мостовым, летел в раскрытые окна, плавал над

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—44, 46—52, 1980.

БОР

прилавками полуподвальных овощных магазинчиков, прилипал к афишам на заборах, к стеклам газетных киосков, белыми волнами окружал каменные тумбы около подворотен, цеплялся за столбы чугунных фонарей. Его мягкое прикосновение щекоотно чувствовалось на лице, на бровях, на ресницах, и хотелось засмеяться, сдуть его...

Васильев не был здесь несколько лет: не хватало часу приехать сюда или, быть может, подсознание намеренно оберегало его и от прошлого, и от всех этих новых изменений близ знакомой с детства церкви в Вишняковском переулке. А тут уже не было ни булочной-кондитерской, ни овощных магазинчиков, ни обжитых особнячков с мезонинами, ни каменных тумб подворотен, ни сытых голубей на крышах нагулов. Там, где были эти дворники, старые особнячки, столетние липы, громоздко возвышался, грязно серел многоэтажный дом, нелепо и плоско врезался панельной стеной в лиловеющее к вечеру небо, торчал вывесками магазина радиотехники, неопрятными балконами, на которых сушилось пестрое белье, стояли ящики и лыжи, а напротив церкви, за ее оградой, высокомерно, неуклюже уходила вверх над переулком четырнадцатизэтажная башня, и эти чужие пришельцы, эти чужестранные завоеватели враждебно лезли в глаза Васильеву циничной, модной безобразностью, и он понял, что опоздал приехать сюда, в край своего детства, что совершился обман, подобный необъяснимому насилию.

На углу Лужниковской он взглянул на Илью. Но тот замкнуто молчал, и еле угадываемая растерянность смутной судорогой проходила по его лицу. И показалось, что это была незавершенная слабая улыбка, похожая на отсвет неясного узнавания детского, давнего, что еще оставалось в голубоватых проемах осевшего снега на ветвях уличных тополей, в оттепельномокрых, обледенелых водосточных трубах, в капающих сосульках, выросших на карнизах, в тюлевых занавесках первых этажей, в уже незимней косматости низкого солнца над дальними крышами, такими белыми, с мучительной синевой на теневых скатах, какими бывали близко к весне и почему-то запомнились в навсегда ушедшие годы. Все это было не тронут временем — и лед на желобах, и искры солнца на сосульках, и капель, и тени, и даже февральский воздух, пахнувший чем-то влажно-горьковатым, точно бы печным дымком. И Васильеву внятно послышалось, что Илья шепотом произнес: «Кажется, так было», — и втянул носом воздух, блуждая глазами по крышам домов.

— Ты что-то сказал? — спросил Васильев. — Ты сказал: так было?

— Я молчал. И думал — все забыл, все... — замедленно ответил Илья, и удивила Васильева сухая беззвучность его голоса. — Сейчас будет пожарная команда... и наш дом. По-моему, номер четыре... Я хорошо помню на той стороне — гараж.

— Я тоже его помню.

Здесь был знаменитый на целый район гараж пожарной команды, ворота которого до войны были постоянно выкрашены в травяной цвет, а в жаркие летние утра по обыкновению бывали открыты, и видно было, как там, в темноватом веявшем маслом холодке, упругими струями обмывали из брандспойтов и до того гладко отлакированные водой красные машины с тревожно-звучным золотым колоколом, что начинал воинственно звонить, едва машины по тревоге выезжали из гаража, и звонил до тех пор, пока они не скрывались по направлению Зацепы в густом шалашном сумраке тополей, нависших над улицей. Теперь вместо зеленых ворот гаража шелушилась облезавшей штукатуркой стена, люминесцентным светом бледно синело окно какой-то мастерской...

Нет, это было ошибкой — сопровождать сюда Илью! Это было разрушение в душе радостного уголка детства, молодого времени, довоенного и послевоенного (лучшие годы его жизни), и эта ошибка стала особенно явной, когда он увидел родной двор без забора и ворот, убогий, жалкий, крошечный, наглухо заваленный сугробами, не двор, а остаток двора, стиснутый справа серыми панелями нового пятиэтажного дома, а слева — бетонной стеной тоже нового, серого, с квадратными стеклами здания, наверное, построенного в последние годы на месте двухэтажных ампирических особняков с крылечками под навесом (где тамбур, деревянные ступени остались целыми, только на первом проходе когда-то пряталась от дождя), с железными решетками балконов, подпертых мощными плечами кариаид, мускулатуру которых тепло освещало закатное солнце сквозь листву лип.

Двора и всего того, что составляло двор, не было, однако двухэтажный их дом, закопченный, темный, его покосившийся, обветшалый тамбур, деревянные ступени остались целыми, только на первом этаже пыльные окна были всюду завешены изнутри пожелтевшими газетами: никто уже не жил внизу. Но верхние окна с раздернутыми занавесками вроде бы еще сохраняли человеческое дыхание, и мелкая дорожка между сугробами вела к тамбур. Возле ступеней незнакомая женщина в пуховом платке выбивала на снегу половой коврик, и сердце дрогнуло у Васильева: Раиса Михайловна?... Однако женщина разогнулась, глянула исподлобья на обоих, по-хозяйски расставила толстые ноги в сапожках, плосколицая, короткотелая, никогда раньше не жившая в их дворе, заправила выпроставшиеся волосы под платок и снова гулко заударяла палкой, выбивая пыль.

Они пошли по тропке, Илья приостановился подле тамбура, угадываясь взглядывая на женщину, пробормотал «здравствуйте» и тотчас обернулся к Васильеву с беспокойством вопроса: «Кто она, эта женщина, которую я, наверно, забыл?» «Тоже не знаю», — ответил пожатым плеч Васильев.

Раньше в тамбуре на крепкой лестнице пахло добротным давнишним деревом, сухой пылью, по утрам толкущейся в солнечном столбе бокового окошка, обжитым духом кухни, чем-то непередаваемо домашним, а теперь было здесь заброшенно, неприятно, разбитое оконце заколочено досками, пропускавшими в щели дневной свет, и пахло затхлостью, мышами, чердачным холодком.

Лестница на второй этаж оказалась маленькой, тесной, как и унылый коридор наверху, и оказались крошечными обшарпанные двери, и стали по-деревенски низкими подоконники — все вернулось измененным, бедным, когда они поднялись, и Васильев со сладкой болью огляделся на втором этаже.

«Вот здесь было когда-то безоблачно, солнечно, счастливо...»

Они переглянулись.

— Господи, помоги, — покорно сказал Илья и, обреченно сняв шляпу, держа ее в опущенной руке, двинулся к своей двери, первой справа, с давно облупившейся краской, где кося висел тоже облупившийся почтовый ящик с наклеенной на нем полоской бумаги, и вслух прочитал шепотом:

— Раиса Михайловна Рам-зина...

И не то чтобы Васильева поразило неуве-

ренное лицо Ильи, его костяная бледность, а этот его запнувшийся голос, произнесший собственную фамилию, как чужую, будто впервые так на слух ощутившую.

— Пожалуй, тебе лучше будет одному. Я подожду здесь, — сказал Васильев, глядя в конец коридора, где яично желтела крайняя дверь, обитая новым дерматином, незнакомая в этой яркой нынешней желтизне, за которой все-таки должны были быть две их комнаты, смежные, с окнами во двор, всегда распахнутые с весны в радостную зелень, в прохладу лип. Кто жил сейчас там, за этой ужасающе желтой дверью?

— Я прошу тебя, хоть на минуту со мной, — попросил Илья, и такого робкого, беспомощного выражения никогда раньше не видел в его глазах Васильев. — Умоляю, Володя, помоги...

— Ты постучи, Илья.

— Сейчас...

Он постучал несмело, за дверью никто не отозвался. Он постучал еще раз и, прислушиваясь, осторожно надавил пальцами на дверь, она отворилась без скрипа и ржавого визга петель, как нередко бывает в разрушающихся домах, и первое, что ощутил Васильев, — нерушимым, стойким покоем пахло из комнаты, освещенной в два окна солнцем.

Здесь царствовала тишина, тут было ее владение с теми же книжными створчатыми шкафами вдоль всей левой стены, с тем же старинным трюмо в раме из точеного дерева, с тем же комодом, но этому ощущению нетронутости, давнего сразу что-то неспокойно помешало: не было письменного стола Ильи, и не было его первобытного, украшенного зеркальной полочкой дивана, на котором иногда валялся он, поигрывая гантелями для укрепления бицепсов.

Что осталось и изменилось в правой половине комнаты, Васильев не успел подробно разглядеть, потому что увидел там отворенную дверцу прогорающей голландки и в кресле напротив обеденного стола (перед окном, выходившим на занесенную снегом крышу тамбура) худенькую, до сплошной белизны седую женщину в очках с металлической оправой, какие носили до войны старые учительницы. Он не узнал, а скорее догадался, что это Раиса Михайловна, и сейчас же услышал глухой, сдавленный голос Ильи: «Мама!..» Нелепо держа шляпу в одной руке, он шел к ней, а она, выпрямляясь, как-то механически переложила толстую книгу с колен на край стола, сняла очки, слабо проговорила: «Ильяша?..» — и встала, мелкими шажками пошла навстречу ему.

— Мама!..

Он, обняв ее, приник щекой к ее виску и замер так, а она, закинув голову с седым пучком на затылке, стояла омертвело, только белые губы ее шевелились, произносили неуловимые, еле угадываемые слова:

— Почему же ты, Ильяша... так мог... так долго?

— Мама, — бережно выговорил Илья в склоненном положении, не выпуская ее из объятий, с забытой неловкостью еще держа шляпу за ее спиной, но брови его прыгали, как от задыхающихся рыданий. — Мама, дорогая моя, вы простите меня за все... Я виноват перед вами, виноват...

— Разве это ты, Ильяша? — прошептала она и чуть отклонилась, взглядываясь в него с вымученной улыбкой. — И ты жив?

— Это я, мама. Я приехал, чтобы вас увидеть.

— И ты такой стал, Ильяша? Морщины, совсем белый? — говорила она, глядя его щеку, и он, зажмурясь, поймал ее руку, прижался ртом. — Когда Маша рассказала, как вы встретились за границей, я не могла представить тебя седым. Ты все время снился мне мальчиком. — И она кивнула стоявшему у дверей Васильеву. — Когда вы с Володей на войну ушли, Ильяша, вы были еще дети... И целая жизнь прошла. Как во сне прошла...

И только тут она заплакала, содрогаясь, с силой сморгнуть мелкие старческие слезы, но тотчас же, приглашая мокрыми глазами Илью в комнату, взяла у него шляпу, положила на

стул и попросила Васильева окрепшим голосом:

— Раздевайся, пожалуйста, и ты, Володя, раздевайся... Сколько, сколько прошло лет! Слава богу, ты жив, Ильяша! — проговорила она, все моргая влажными редкими ресницами. — Я помню, как вы вернулись с окопов, как вы сидели за этим столом. Сколько прошло лет... — повторила Раиса Михайловна дрожащим шепотом. — А я одна всю жизнь прожила. Сколько я передумала о тебе, Ильяша, верила и не верила. Какая пришла страшная бумага: пропал без вести... И как пусто в душе стало! Где ты? В плену? Убит? Что с тобой? Сколько я передумала, сколько слез пролила ночами, Ильяшенька! И ни одного письмеца, ни словечка от тебя!.. Как ты мог так долго? Сын, мой единственный, родной человек... Я могла умереть... За что же так жестоко было мучить меня столько лет?..

— Мама, если можете, простите меня, простите, ради бога, — говорил Илья, снимая пальто и с умоляющим лицом торопливо оборачиваясь к матери, как бы страшась ее слез, еще не пережитого ею отчаяния потери, непроизвольно вырвавшегося упрека. — Я все вам расскажу, вы должны выслушать меня, мама, я хочу вам все рассказать...

— Вот ты говоришь мне «вы», Ильяша, — сказала Раиса Михайловна. — Почему ты говоришь мне «вы», как чужой?

— Простите, мама. Я помнил, я все эти годы помнил вас...

— И ты совсем вернулся? А где же твоя семья?

— Прости, мама, — со стоном выдохнул Илья и, весь будто сникший под ее спрашивающим взглядом, приблизился к ней, потер, сжал и опустил руки в виноватой покорности. — У меня нет семьи. Я приехал один... Я должен был тебя увидеть, мама.

— Один? А где твоя жена, Ильяша?

— Я вдовец, мама.

«Никогда не мог представить Илью таким влюбленным в мать и таким растерянным перед ней, — подумал Васильев, испытывая острое неудобство от своего присутствия, стоя у дверей и не раздеваясь. — Но меня мучит, преследует мысль, что Илья приехал, чтобы проститься. Как он ласково смотрит на Раису Михайловну, как хочет улыбнуться ей, трет руки, робеет от ее вопросов... Да, да, вот этот Илья, со вкусом одетый в великолепный костюм, тщательно выбритый, даже красивый, но он уже мертв. Через год, через два его не будет на земле. Но этого не знает Раиса Михайловна. Она переживет его. Если я все время думаю об этом, значит, я никак не хочу согласиться с его смертью!»

— Раиса Михайловна, я отлучусь за сигаретами. Забыл, понимаете, пачку в мастерской. Здесь, кажется, на углу киоск? Я сейчас. Жалость какая!

И Васильев доказательно похлопал по карманам и сейчас же вышел в коридор, не ожидая, пока его будут задерживать. Он понимал, что уже не мог помочь ни Ильи, ни Раисе Михайловне нечаянным участием.

В коридоре Васильев повернул, однако, не к выходу, а направо, в конец коридора, к неудержимо притягивающей его желтого цвета двери, сверкающей металлическими шляпками гвоздей по обивке новым дерматином. Он присел на подоконник и, слушая тишину за дверью этих теперь чужих комнат, думал, что хотел бы заглянуть хоть на минуту туда, чтобы увидеть только одну кафельную голландку, напротив которой стоял его диван.

— Вы, гражданин, куда? Кого надо вам? А?..

Короткотелая, в пуховом платке женщина, та, что давеча встретила им во дворе, со свистящей одышкой, исподлобья уставилась на Васильева воинственным белесым взором, крепко обхватив на животе свернутый коврик.

— Вы... в этой квартире? А я, видите ли, когда-то... — начал Васильев, странно задетый тем, что вот эта некрасивая, неприветливая женщина живет в их комнатах, что ее плоское лицо словно изготовлено к раздражающему крику, к злобной борьбе в защите собственных дверей, и не договорил, оборвал себя иронической улыбкой: — Пардон, мадам. Я не к вам. К сожалению, здесь я вас никогда не

Е. Рябинский. Род. 1925. СЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА. 1979.

Шестая республиканская художественная выставка «Советская Россия».

А. Сайкина. Род. 1925. ДЕТСКАЯ СПОРТИВНАЯ ШКОЛА. 1979.

Шестая республиканская художественная выставка «Советская Россия».

видел. Очень сожалею, мадам, что вы не украсили собой этот дом раньше, — сказал он ерническую, неизвестно почему пришедшую на ум фразу, совершенно бессмысленную, и, сказав, щелкнул каблуками, наклонил голову по-кавалергардски, одновременно тоскливо думая об этом мальчишестве: «Кажется, я схожу с ума...»

— Ишь ходят, с виду антиллегентные, в шапках, а сами выглядывают, — зашевелился позади скандального оттенка голос, когда Васильев направился к лестнице. — Фулиганы...

«Фулиганы в шапках антиллегентные ходят», — звучало в нем язвительной напевностью, пока он не спустился в пропахший плесенью тамбур.

Обдало мягкой влагой, теплым ветром, но он не почувствовал полного облегчения и на дворе, где в раннем закате пламенила вся стена соседнего пятиэтажного дома, за которым то вибрирующе ревел во всю мощь, то снижал обороты мотор близкого бульдозера, раздавались тяжкие удары, и что-то сыпалось, шуршало, текло под этими ударами, оглушавшими переулком.

«Фулиганы в шапках антиллегентные ходят», — мысленно смеялся над собой Васильев, а тропка среди краснеющих сугробов вывела его на то место, где раньше были калитка и ворота.

Здесь он приостановился, оглядываясь, вдыхая запах талого снега, и вдруг ему представилось другое: далекие летние сумерки, тихое, закатное тепло в неподвижных верхушках лип, покойный и теплый отблеск чердачных стекол, как маленьких лесных озер на вечерней заре, а внизу пробиваются кое-где сквозь листву свет абажуров, приглушенные голоса, звон посуды из раскрытых окон... Потом жаркая июльская ночь, звезды над деревьями, над темными антеннами; калитка закрыта до утра на задвижку дворником дядей Ахметом, ночной двор вроде бы замкнут, обособлен от затихших переулков и улиц, от мостовой, и объединен внутри почти родственным доверием друг к другу: под каждым окном вынесены старые кровати из сараев, устроены постели на стульях и досках, впотьмах белеют подушки, негромко переговариваются перед сном соседи, иногда раздаются прикрытый одеялом детский смех, а вокруг двора беззвучно плывет ночная умиротворенная тишина других дворов, ближних улиц, всего Замоскворечья. И в эти часы хотелось подолгу смотреть из постели на шевелящееся колдовство темно-синей глубины, таинственное смещение, загадочное перестраивание звездных трапедий и треугольников, и, засыпая и просыпаясь, чувствовать по лицу дуновение похолодевшего ветерка, и, пожевываясь от ощущения тайной связи с небом, слышать откуда-то издали завывающий шум позднего троллейбуса.

«Что же было такое? Милая патриархальность купеческих дворов? — думал Васильев, так отчетливо представляя детскую радость тихой ночи, звезды, темные верхушки лип во дворе, что ощутил запах утреннего ветерка и прохладной подушки под щекой на свежем воздухе. — Нет, было другое. Что же это? Умиление прошлым? Нет, несмотря ни на что, была доверчивая близость живущих вместе людей. И была одна надежда. И был у всех одинаковый, скромный достаток... Где все это? Кануло в реку времени? Ушло бесследно?»

Мотор сотрясал ревом воздух, гудел за пятиэтажным домом, тупые удары доносились равномерно, и Васильев, не вытерпев, дошел до угла переулка с желанием посмотреть, что строили там.

За дощатой изгородью по навалу битых кирпичей рывками двигалась гусеничная машина, напоминавшая подъемный кран, на его тресе нацеленно и грозно размахивался, неуклонно ударял в изуродованную грудь стены стальной шар; коричневая пыль висела в воздухе, сыпалась штукатурка, обрушивался, стучал разбитый красный кирпич, обваливались балки толстых перекрытий. Стена пока стояла, чудом сохраняя фронтон особняка, украшенный лепными фигурами рыцарей, внизу сквозили бреши изломанных окон, проем широкого балкона с витой чугунной решеткой, переплетенной

черными лепестками распустившихся лилий, а кариатиды под решеткой, запыленные, полуразрушенные, из последних сил еще поддерживали напрягшимися плечами балкон, подрагивающий при каждом ударе неумолимого стального шара гулко звенящим металлом. Был это остаток фасада двухэтажного особняка, кажется, бывшего владельца кондитерской фабрики, где до войны помещалась детская библиотека. И оттого, что необъяснимо и непонятно было, зачем сносили этот старый особняк, всегда красовавшийся посреди разросшихся вековых лип своими балконами, фигурными бойницами, поющими над башенками флюгерами, своим подъездом в виде высокого портала, и от вибрирующего танкового рева мотора, гибельных размахов и ударов шара у Васильева заболело в висках. Он с отвращением глядел на тупо и грузно раскачивающийся перед исковерканной стеной шар и думал об Илье, о Раисе Михайловне, о несуществующем дворе, о тщете человеческих усилий сохранить себя во времени:

«Я готов согласиться, что тоже виноват во всем этом. Но откуда эта разрушительная дьявольщина? Неужели прошлое не останется и никто ничего не будет помнить? И никого из нас? Разрушат старый дом, построят новый, панельный, а другие следом за нами разрушат панельные и построят более безобразные... И, может быть, все наше прошлое рассеется, как пылинки во Вселенной. Только память немногих... Только, может быть, искусство что-то небольшое сохранит...»

И, раздраженный нелепостью разрушения, он ходил в переулке, сотрясаемом таранным громом, и почему-то вспомнилось, как однажды январским послевоенным вечером вот тут в переулке особенно свирепо крутила вьюга, снежный дым срывало с крыш, с верхушек сугробов, несло, вращало воронками на мостовой, повсюду раскачивались, скрипели фонари вместе с мерзлыми липами, по залепленным заборам мотался то вверх, то вниз замутненный свет, и через эту метель едва пробивался дымящимися квадратами на углу освещенный дом с его сторожевыми башенками, по-разбойничьи свистящими флюгерами, а он — еще в шинели — шел с Машей, колюче, весело исхлестанной вьюгой, и не видел ее глаз, загороженных мехом воротника, видел только часть лба, мохнато заснеженные брови. И, улыбаясь, он часто останавливался («Маша, Маша!», привлекал ее за плечи, отгибал от лица воротник, скользкий, мокрый, и так нетерпеливо целовал влажные, пахнущие зимой, неуголимо сладкие губы, что она зажималась, рукой в варежке упиралась ему в грудь, а он с ненасытной нежностью все не отпускал ее.

«И этого тоже нет, — подумал Васильев. — Только осталось в моей памяти».

Плотный звук стального шара, разбивающего остаток фасада, походил на удары танковых болванок в кирпичную стену (так было раз в Каменец-Подольском, возле крепости, когда пошли в атаку немецкие танки), и равномерный звук врезающегося в кирпич металла сопровождал Васильева до поворота на Лужниковскую, до места бывших ворот его дома, а ломящая боль в висках не стихала. Он сожалел, что, по-волосьи занятый нескончаемой работой, тщеславным самоутверждением, лет десять не приезжал в этот край детства и так бы и не увидел его последних островков, если бы не Илья. Он не мог простить себе необратимую утрату времени, обманчивое и успокоительное откладывание «на потом», будто надеялся на вторую жизнь.

«Что ж, прощай, милый переулок. Я давно должен был приехать сюда с мольтбертом, но не приехал...»

Ему трудно было возвращаться к Рамзиным, не хотелось видеть свой коридор, победную россыпь серебристых головок обивочных гвоздей на желтом дерматине родной с детства двери, которая, мнилась, отталкивала его неким совершенным предательством, унижительным подобострастием времени перед той плосколицей угрюмой женщиной.

Часа через полтора он поднялся к Раисе Михайловне, чтобы проститься, а когда поступал, услышав приглушенные голоса, и открыл

дверь, в первый момент остановила мысль, что все-таки пришел не вовремя, но уйти было уже невозможно. Обернувшись от стола, Илья взглянул на Васильева словно бы с подавляемым неудовольствием: «Да входи, входи, не топчись на пороге! Секретов нет!» — и вновь заговорил, обращаясь к Раисе Михайловне, в голосе его звучала растерянность:

— Мама, иначе я не могу уехать! Ты меня должна понять! Я хочу, чтобы твоя старость была спокойной.

Она сидела в кресле, скорбно закрыв лицо сухонькими руками, на столе же близ чашек и розеток с вареньем виднелась пачка новых зеленых купюр, и Илья подвигал их ближе к Раисе Михайловне, продолжая говорить в замешательстве:

— Мама, я не бедный человек, поверь мне. Ты не разоришь меня. Каждый месяц я буду присылать сто пятьдесят долларов на расходы. В Москве отличные магазины «Березка», и ты на валюту сможешь...

Раиса Михайловна отняла руки от лица, снизу вверх посмотрела на него сухими глазами с горьким выражением перегорелой беды, душевной усталости, сказала со слабой улыбкой:

— Как поздно, Ильюша. Вся жизнь прошла. Ты приехал к концу моей жизни.

— Мне кажется, мама, ты не рада, что я приехал, — проговорил Илья, не сумев скрыть обиду. — А я хотел. Ты не можешь представить, как я хотел тебя увидеть. Мы с тобой одни остались. Одни на целом свете.

Раиса Михайловна обморочно качнулась вперед, зажала виски ладонями, отклонилась в кресле, заговорила молитвенным шепотом, пугающим прорвавшимся страданием, внутренними, непролитыми слезами:

— За что мне послано такое наказание! всю жизнь ты прожил без меня, Ильюша. И ты мог... без меня где-то жить. А теперь вот приехал и говоришь, что любишь, и предлагаешь деньги... Зачем, Ильюша, на старости лет мне заграничные деньги? Я ничего уже не хочу! Не возьму же я их с собой, в могилу! — воскликнула Раиса Михайловна, глядя в серую бледность его худых щек; а он все стоял в двух шагах от кресла, уперев пальцы в край стола так, что они гибко выгнулись, побелели, и прикованно смотрел на вазочку с вареньем. — Мне нужна была только твоя любовь, Ильюша. А ты мог всю жизнь без меня, — повторила Раиса Михайловна безучастно. — Прости, я все сказала... чтобы мы не мучили друг друга фальшивыми обязанностями. Ах, как я устала сегодня, сил моих нет... — И она в переутомлении закрыла глаза, посидела так немного, потом договорилась с дрожью слабости в голосе: — Иди, Ильюша. Володя тебя заждался. Заходи еще... до отъезда. А деньги возьми. Тебе нужны будут деньги...

— Я зайду, мама, с твоего разрешения, — сказал Илья и приблизился к креслу на прямых ногах, окостенело и робко нагнулся, поцеловал мать в висок, где выделялись синие жилки, а она тихонько коснулась щепоткой его плеча. — Что ж, мама, прости и до свидания, — проговорил он. — Прости за все...

Васильев хорошо помнил, как Илья слепо затакивал пачку зеленых банкнот в бумажник, как Раиса Михайловна, не вставая с кресла, кивала им утомленно-печально, как спускались они по шаткой лестнице в тамбур и вышли в переулок, оглушенные ревом бульдозера, объединенные и разъединенные молчанием. Только на углу Вишняковского Илья пробормотал: «Стоп», — и задержался, глядя в меркнувший закат пролет улицы, где над голыми сучьями лип висел по-раннему прозрачный и потянуто-зеленом небе предвечерний свет, и потянул носом насыщенный влажностью талого снега воздух, говоря с сумрачной едкостью:

— Блудному сыну надо ли возвращаться в святые места? В наше время дорого стоит романтизм! «Где стол был яств, там гроб стоит!»

Он говорил это, бледнее и смеясь над собой, но лицо его стало откровенно злым, жестким, напоминавшим чем-то другого Илью, из сорок третьего года, в то утро возвращения к окруженным немцами орудиям на железнодорожном переезде.

Продолжение следует.

АРМЕНИЯ

ГОРДОСТЬ ОТЦОВ — СЫНОВЬЯ

...Всю ночь над крышами небольшого горного села Арег клубился дым. Всю ночь женщины пекли гату, а утром аппетитное, рассыпчатое новогоднее печенье вместе с чаркой искристого вина преподнесли молодые старшим. Такова традиция. В доме старейшего жителя Арега Наапета Амбарцумяна этот традиционный новогодний ритуал сопровождается неизменным вопросом: «Чем был для тебя богат год прошедший?»

Много раз придется сегодня старому колхознику задавать этот вопрос. Ведь у него за новогодним столом не только семеро его детей с женами, зятьями и внуками, но и чуть ли не все односельчане. И радостно будет ветерану слышать, что каждый из них причастен к тем большим делам, которыми жила страна, республика в ушедшем году, в ушедшем пятилетии.

— Традиции этой ровно полвека, — рассказывает Наапет Саркисович, — когда мы создавали здесь колхоз и крестьяне решили поменять старое название села. Пусть в новую жизнь наше село войдет с новым светлым названием Арег — солнце. Вот тогда сказали старики: «К концу года пусть каждый расскажет, что он сделал для того, чтобы стал наш Арег еще краше».

Не узнать сегодня старого села — двухэтажные красивые дома, новые улицы, торговый центр, клуб. Но старая традиция, заложенная отцами и дедом, жива. И верна ей молодежь. О многом смо-

гут рассказать в нынешнее новогоднее утро молодые арегцы: о новых землях, отвоеванных у каменных склонов, где закладывались фруктовые сады и виноградники, каналов, которые проложили в горном крае, напоив бывшую целину живительной влагой. Больше тридцати юношей и девушек окончили за год вузы и техникумы, многие выпускники школ стали студентами. Есть о чем рассказать и детям Наапета Саркисовича. Верны они делу отца — одного из первых колхозников края. Старший сын, Генрих, — директор совхоза, стал кандидатом наук, успешно внедряет в своем хозяйстве прогрессивные методы возделывания винограда, другой сын, Владимир, избран председателем колхоза, дочь Елена защитила диссертацию и работает в сельскохозяйственном институте. Дипломированными специалистами стали и другие сыновья. Много радости доставляют деду и внуки. Старший, Аревин, поступил в медицинский институт, а младший, одиннадцатый внук в прошлом году пошел в ясли.

— Тесно становится в доме, — улыбается Наапет Саркисович, — весной начнем строить новый дом. И конечно, с нами вместе будет его строить все село. И это тоже традиция Арега.

А. САВЯН

На снимке: вся семья в сборе. Фото автора.

ТУРКМЕНИЯ

РЕКА ЖИЗНИ

Каракумский канал имени В. И. Ленина с первых дней его прокладки туркмены называют «рекой жизни». Чем дальше проникает оросительная влага в глубь пустыни, тем больше становится пахотной, живой, цветущей земли в республике.

Как радостный подарок к Новому году восприняли трудящиеся Туркмении строки из проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии: «В Туркменской ССР... Продолжить строительство Каракумского канала. Ввести в эксплуатацию 90—93 тыс. гектаров орошаемых земель. Обводнить 6,9 млн. гектаров пастбищ». Не за горами время, когда поливные земли республики расширятся до 1 миллиона 560 тысяч гектаров. Это значит: орошаемые площади здесь увеличатся на шестьдесят четыре процента по сравнению с нынешними.

Грандиозная эта перспектива вызывает горячий душевный отклик людей, покоряющих пустыню. Вот один пример. Бригада Овезгельды Рахманова, изо дня в день перевыполняя нормы, задает тон на всем участке, ведущем ирригационные работы в Марыйском, Тедженском, Байрам-Алийском районах. Коллектив, в который входят и труженики этого участка, взял повышенное обязательство и выполнил задание десятой пятилетки уже к 63-й годовщине Великого Октября. Ныне коллектив ирригаторов и мелиораторов решил: план двух месяцев 1981 года выполнить ко дню открытия XXVI съезда партии.

В. СЛАВИН

Рыбаки в пустыне...

Фото С. Розьева (ТАСС)

ЭСТОНΙΑ

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ

Я спросила секретаря Пярнуского райкома партии Вальтера Удана:

— За что вас хвалят?

— За удачные попытки вертикального взлета, — загадочно ответил он. И тут же уточнил: — У нас, как и в каждом районе, все хозяйства участвуют в социалистическом соревновании, и по его итогам определяются их места в общерайонной сводке. Кроме многих других плюсов, это дает нам постоянную информацию о динамике развития каждого колхоза и совхоза. На практических делах десятой пятилетки мы убедились: капиталовложения надо направлять в первую очередь не в передовые, а в отстающие хозяйства. Когда я сказал о «вертикальном взлете», то имел в виду колхоз Халинга. В начале пятилетки рентабельность там была низкая, урожай и удон меньше среднерайонных показателей, словом, таблицу соревнования это хозяйство замыкало. А за минувшие три года колхоз Халинга вышел в передовые: по вертикали — с конца таблицы в ее начало. Взлет, достойный уважения и подражания.

— Что же произошло в Халинге?

— Три года назад председателем там был избран Лембит Тамвере — инженер-механизатор из соседнего совхоза «Эдаси». И вот итоги работы нового состава правления: за три года урожай повысился до 36 центнеров с гектара, удон выросли почти на полторы тысячи килограммов, нынче в Халинге получено в среднем 4000 килограммов от коровы. Лембит Тамвере — талантливый механизатор, он привел в порядок машинный парк. Под его руководством

колхозники всерьез занялись агротехникой — в частности, вывоз органических удобрений увеличился за годы пятилетки вдвое. И, главное, новый председатель оказался отличным организатором и сумел подобрать хороших специалистов. Халинга в нашем районе не единственный пример: также вышли вперед совхозы Пярныйэ, Тали и другие. Теперь в районе практически уже нет отстающих хозяйств, и рост продукции в десятой пятилетке превысил рост капиталовложений.

Н. ХРАБРОВА,
собор «Огонька»

На снимке: Лембит Тамвере, председатель колхоза Халинга. Фото А. Таска

ПОДВИГ РУССКОГО УМЕЛЬЦА

Ленинград — один из красивейших городов мира. Кто имел удовольствие побывать на берегах Невы хоть раз, никогда не забудет неповторимые ансамбли его строгих площадей, улиц, бесчисленных садов и парков, раскинувшихся на сорока островах.

И среди этой роскоши архитектуры в памяти путешественника навсегда запечатлится островной ансамбль знаменитой Петропавловской крепости, излом «одетых камнем» ее бастионов, с вонзившейся в небо сияющей иглой собора.

Золотым блеском сияет игла. А ведь иглу-колокольню надо время от времени не только золотить... И знатоки истории Петербурга вспомнят в этой связи немало интересного.

...1830 год. Под многолетним напором балтийских ветров постепенно накренилась фигура ангела, держащего крест на вершущке Петропавловского шпилья. Сама починка его стоила бы недорого, но за возведение лесов вокруг колокольни — а без лесов немисливо взобраться на 120-метровую¹ высоту! — подрядчики заломили огромные деньги.

И вдруг, на удивление всем, нашелся человек, взявшийся в одиночку (!) и, что самое удивительное, без помощи лесов подняться на вершину шпилья и произвести необходимый ремонт ангела-флюгера. (Взгляните, читатель, если вы будете у крепости: ангел Петропавловской колокольни всегда показывает направление ветра. Не будь ангел флюгером, сильный ветер сломил бы вершущку колокольни.)

Звали смельчака Петром Телушкиным. Это был искusstный и известный петербургский кровельщик из казенных крестьян Архангельской губернии.

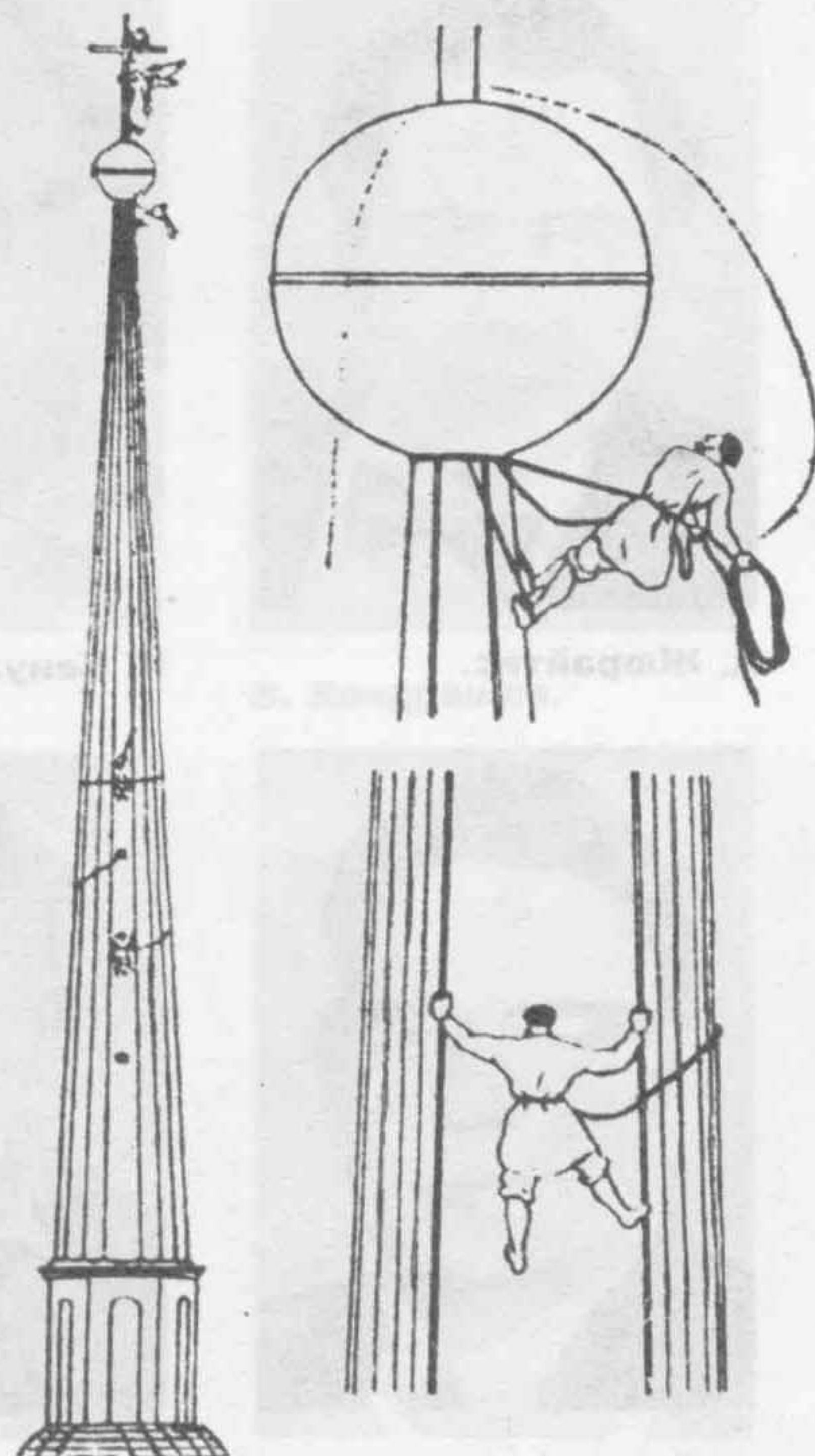
Сначала предложение Телушкина было всеми названо сумасбродным. И больше всех над Петром потешались подрядчики, среди которых было немало иностранцев. Те даже всерьез потребовали определения русского кровельщика в сумасшедший дом. Однако земляк Ломоносова оказался настойчив и сумел добиться согласия на свою «безумную» затею. Главное, соблазнили его условия: он просил оплатить лишь стоимость материалов, потребных на починку.

Было ясно, что этим незаурядным человеком двигали главным образом патристическое желание посрамить иностранцев-подрядчиков и мужество, свойственное русским рабочим. Да, видать, и смекалкой был наделен российский умелец...

Летом того же 1830 года Телушкин начал производить разведочные восхождения по внутренним лестницам колокольни, делать замеры шпилья, прикидывать точку, с коей намеревался начать внешнее восхождение. Осенью мастер приступил наконец к самой беспримерной работе, которая и сейчас — в век высочайшей техники — вызывает восторженное восхищение.

Изобретательность и мужество Петра Телушкина подсказали ему крайне опасный, если не более, но остроумный способ подъема.

¹ В то время игла-шпиль была несколько ниже современной. Ныне высота колокольни со шпилем равняется 122 метрам. Прежде это была самая высокая доминанта Петербурга.

В действительности же вот она: предварительно обследовав шпиль собора из верхнего люка, проделанного строителями в основании иглы, Телушкин обнаружил вертикальные ребра-фальцы, которыми соединялись соседние листы обшивки шпилья. Ребра — а их всего вокруг шпилья насчитывалось целых 16 — отстояли друг от друга на расстоянии широкого размаха рук и в профиле выдавались на два вершка (заметьте: только на 2 вершка!)

Держась за эти ребра-фальцы (больше не за что было ухватиться), Телушкин надеялся с их помощью обогнуть шпиль и опоясать его веревочным кольцом, при поддержке которого намеревался затем подняться на вершущку шпилья.

И вот начался беспримерный подъем.

Обвязав себя веревкой, закрепленной у люка, дерзкий смельчак спустился из этого окошка и... повис между двумя ребрами.

Вися на веревке между фальцами, верхолаз крепко уцепился за них обеими руками и уперся в один из них правой ногой (ноги были босые, чтоб ступни не скользили). Дальше следовало подвигаться кругом — влево и влево, — все время беря по возможности немного вверх (если б Телушкин не поднимался вверх, веревка не обвила бы шпиль и к тому же задержала вскоре бы продвижение отчаянного смельчака).

Немного, сколько было сил, подтянувшись на руках, сжимающих ребра, Петр, оттолкнувшись правой ногой, качнул корпус влево. Схватившись затем за левое ребро и правой рукой, которую положил выше левой, смельчак висел уже только на одном ребре. Не

Шпиль Петропавловского собора. Из верхнего люка П. Телушкин начал спиральное восхождение.

Финальный этап восхождения.

Один из моментов огибания шпилья.

задерживаясь ни секунды, он уперся правой ногой в фальц и, опять немного подтянувшись, ухватился за соседнее ребро, повиснув опять между двумя фальцами-ребрами.

Так, перебрасываясь от ребра к ребру, он огибал шпиль, по спирали поднимаясь вверх. Веревка, которая уже давно не поддерживала верхолаза, а лишь следовала за ним, все обвивалась вокруг шпилья.

Это было потрясающе! Вот пройдено 10 — 11 — 12-е ребро. От страшной нагрузки пальцы давно (каждая секунда казалась вечностью) сочились кровью, в глазах все мутилось и шло кругом... Но Телушкин, как бы прилипнув к потускневшей обшивке шпилья, все двигался и двигался влево и вверх.

Вот — наконец! — и 16-й фальц: герой снова под окошком, из которого начал свое беспримерное путешествие.

Огромными усилиями бесстрашный верхолаз все же сумел подтянуться до спасительного люка и, чуть не сорвавшись, втиснулся в окошко и упал без сознания. Но дело было сделано, ибо концы веревки, привязанные к поясу, сомкнулись, обвив шпиль петлей.

Отдохнув лишь ночь, герой наутро — и откуда брались силы! — снова вылез из знакомого люка: таково было нетерпение и желание немедленно продолжить начатое.

Теперь все-таки было легче, хотя и не просто: поддерживаемый веревочным кольцом, которое Петр все время стягивал (шпиль суживался кверху, и кольцо скользило также кверху — в этом и был остроумный способ дальнейшего восхождения умельца!), Телушкин отважно карабкался ввысь. Теперь высота не пугала. И Петр спокойно поглядывал не только ввысь, но и вниз, где копошились маленькие люди.

Так добрался он почти до середины шпилья, где обнаружил ранее издали невидимые крючья, уходящие ввысь на расстоянии 4,5 аршина друг от друга. Находчивый Телушкин использовал и их: остроумно приготовил петли наподобие стремян. Закидывая петлю на крюк и вдев в нее ступню, он поочередно укорачивал каждое стремя, пока не достигал нового крюка.

Так бесстрашный и изобретательный верхолаз очутился под самым яблоком, которым заканчивалась вершина шпилья.

Но тут возникло новое, казалось, уже непреодолимое препятствие: яблоко диаметром в 4 аршина, как потолок, нависло над головой. Как забросить веревку на вершущку яблока, на которой стоял ангел с крестом? Ведь для размаха руки надобно было уйти из-под яблока в сторону. Но как и, главное, куда?!

И все-таки остроумие русского

умельца, помноженное на беспримерное мужество, и тут нашло решение. Привязав себя крепко за ступни к вершущке шпилья и поддерживаемый поясной веревкой, Телушкин с потрясающим хладнокровием откинулся далеко назад, повиснув почти горизонтально над бездной.

Никогда еще ни один цирк не видел такого номера!

Держа в руках моток веревки из манильской пеньки, Телушкин после нескольких попыток круговым движением забросил конец веревки с грузилом на вершущку яблока. Веревка, описав дугу, обвилась вокруг основания креста. Закрепив ее, верхолаз, превозмогая страшную боль в кистях и пальцах рук, взобрался к подножию ангела (ведь верхолаз лез не по лесенке, а по одной веревке, к тому же плотно прилегающей к яблоку). Приходилось подкладывать колышки под веревку, чтоб подсунуть под нее пальцы).

И вот, повторяем, Телушкин взобрался к подножию ангела. Огромная толпа, три дня заполнявшая соседние с крепостью улицы и площади, вздохнув с облегчением, громовым «Ура-а!» приветствовала героя.

Ну, а дальше все было «просто».

Спустив веревочную лестницу, мастер в последующие два месяца ежедневно поднимался по ней наверх, пока не починил и крест и ангела (закончил работу в середине декабря).

Работа была признана отличной (хотя ревизоры могли ее оценить лишь в подзорную трубу). Правда, Телушкин, говорят, предлагал ревизорам слазить вместе с ним и проверить на месте, но охотников на сие не нашлось.

За свой подвиг и изобретательность Телушкин был награжден Николаем I пятью тысячами рублей (сумма мизерная по сравнению со стоимостью лесов!) и медалью.

На следующий, 1831 год славный мастер, опять посрамив подрядчиков, получил новый подряд — таким же способом отремонтировал Адмиралтейскую иглу.

Слава о знаменитом русском кровельщике разнеслась далеко за пределы отечества. О русском умельце писали в многочисленных статьях и даже книгах.

Но личная жизнь и судьба Петра Телушкина, казенного крестьянина николаевской России, сложилась неудачно и трагически. Он полюбил девушку, но она была крепостной. И хотя у Петра были деньги, хозяин его невесты заломил огромную сумму, а потом и вовсе отказался отпустить ее, шантажируя Телушкина.

Эта трагедия тяжело отразилась на участии Телушкина, он все больше стал топить горе в чарке вина (согласно традиции, Телушкин от царя получил и именную чарку, по которой мог бесплатно получать водку в казенных кабаках). И вскоре — было это осенью 1833 года — не стало Телушкина.

Георгий КУРИЛЕНКО
Ленинград.

Г. Аббасзаде.

Н. Алексеева.

А. аль-Хамиси.

В. Астафьев.

А. Басманов.

Г. Боровик.

Н. Дамдинов.

Е. Евтушенко.

Жале.

А. Жюрайтис.

Н. Бенуа.

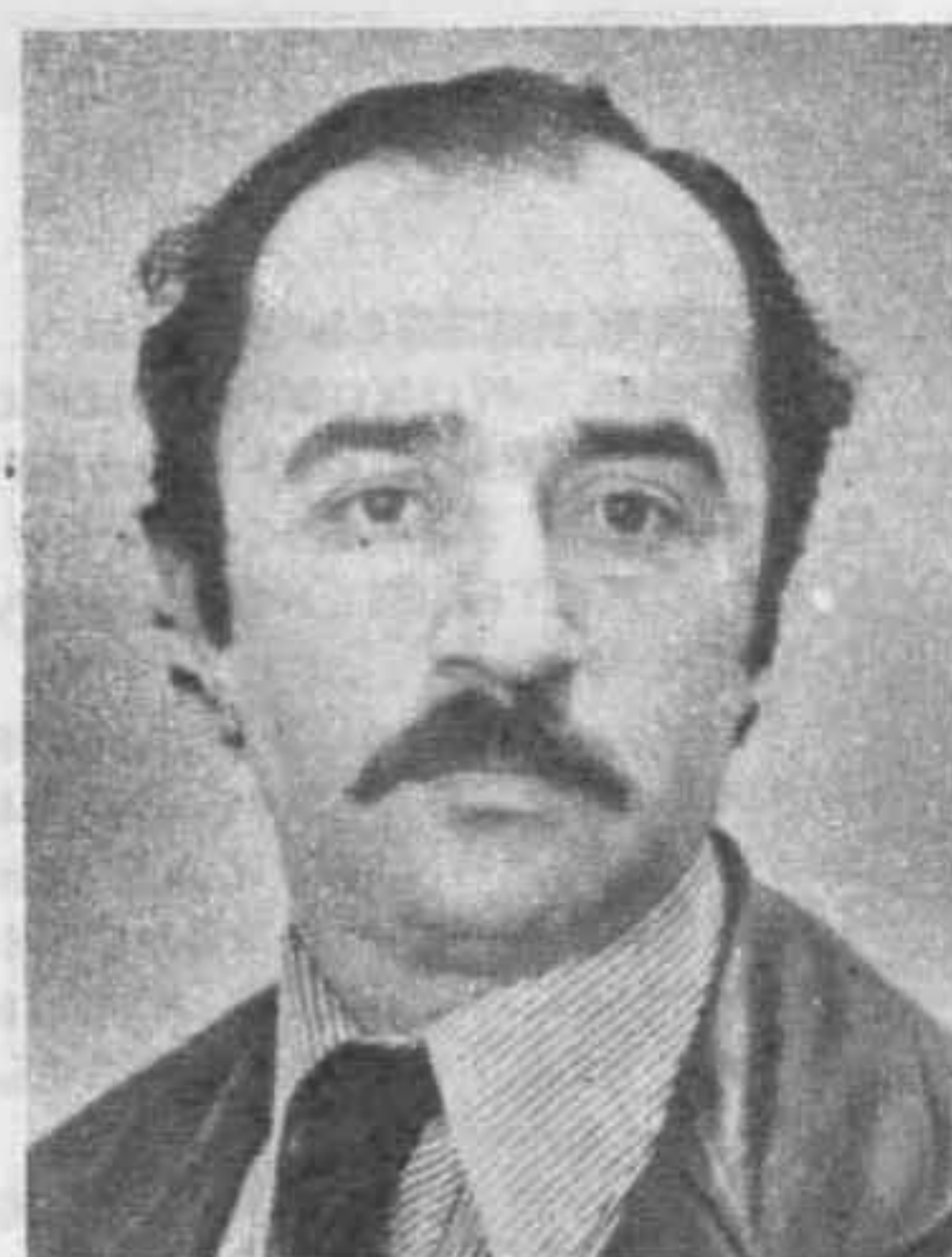
Р. Зайнетдинов.

Г. Куликовская.

Ф. Лангер.

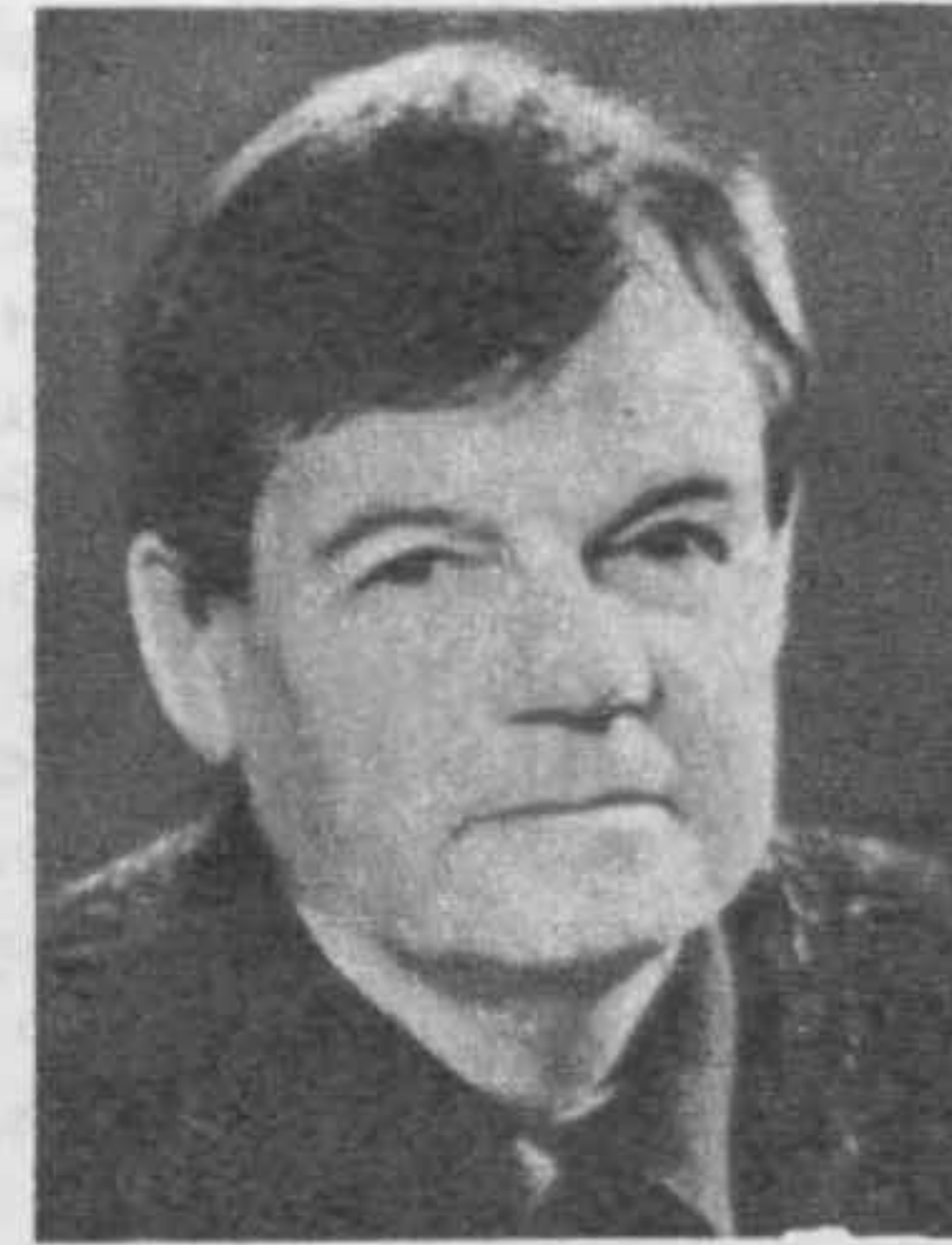
В. Лейбовский.

С. Лосев.

А. Марнов.

Л. Мартынов.

П. Проскурин.

А. Романов.

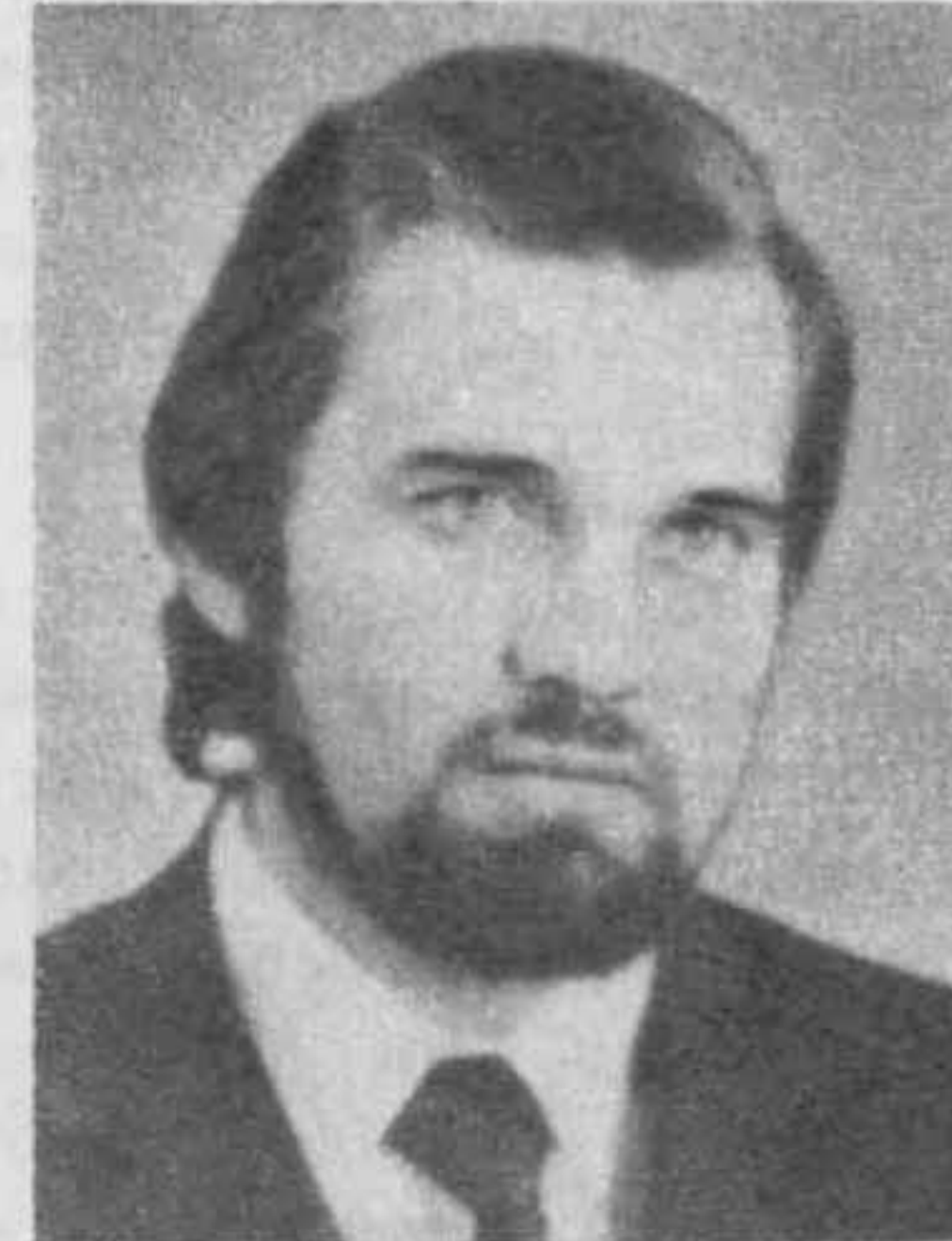
Б. Рыбаков.

М. Савин.

С. Сартанов.

Ю. Селезнев.

Н. Томский.

Г. Устинов.

С. Федоров.

Ю. Федоров.

В. Фирсов.

З. Хирен.

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1980 ГОД

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение года:

Г. АББАСЗАДЕ — «Хрустальная чернильница и синие «Жигули» (№ 5), рассказ; Н. АЛЕКСЕЕВА — «Разговор в перерыве между музыкальными программами» (№ 18), интервью с композитором Е. Догой; А. АЛЬ-ХАМИСИ — «Венец царицы Титишери» (№ 3), «Колизей» (№ 24), поэмы; В. АСТАФЬЕВ — «Затеси» (№ 33); А. БАСМАНОВ — «Память Отечества» (№ 28), «Камиль Писсарро» (№ 34), очерки; Г. БОРОВИК — «История одного убийства» (№№ 1–6), повесть-хроника; А. БОЧНИН — фоторепортажи с Игр XXII Олимпиады в Москве (№№ 30, 31, 39); Ю. ВЕРЧЕНКО, В. КАРПОВ — «Новая эра древней страны» (№ 43), статья; И. ГЛАЗУНОВ — иллюстрации к собранию сочинений Н. Некрасова в литературных приложениях и «Огоньку»; А. ГОВОРОВ — «Светлые дали» (№ 31), стихи; А. ГОСТЕВ — «Эти мирные края» (№ 7), цветная выкладка; Н. ДАМДИНОВ — «Доброта» (№ 30), стихи; Е. ЕВТУШЕНКО — «Александр Блок» (№ 47), статья; ЖАЛЕ — «Если 6 тысячу перьев...» (№ 32), стихи; А. ЖЮРАЙТИС, Н. БЕНУА — «Эта вечная музыка» (№ 6), статья; Р. ЗАЙНЕДИНОВ — «Истины, которые мы формируем» (№ 33), статья; Ю. ЗУБКОВ — «Неонатюра»

А. Бочинин.

Ю. Верченко.

В. Карпов.

И. Глазунов.

А. Говоров.

А. Гостев.

Ю. Зубков.

Л. Зыкина.

В. Кондрашов.

М. Куприянов.

П. Крылов.

Н. Соколов.

О. Михайлов.

А. Награльян.

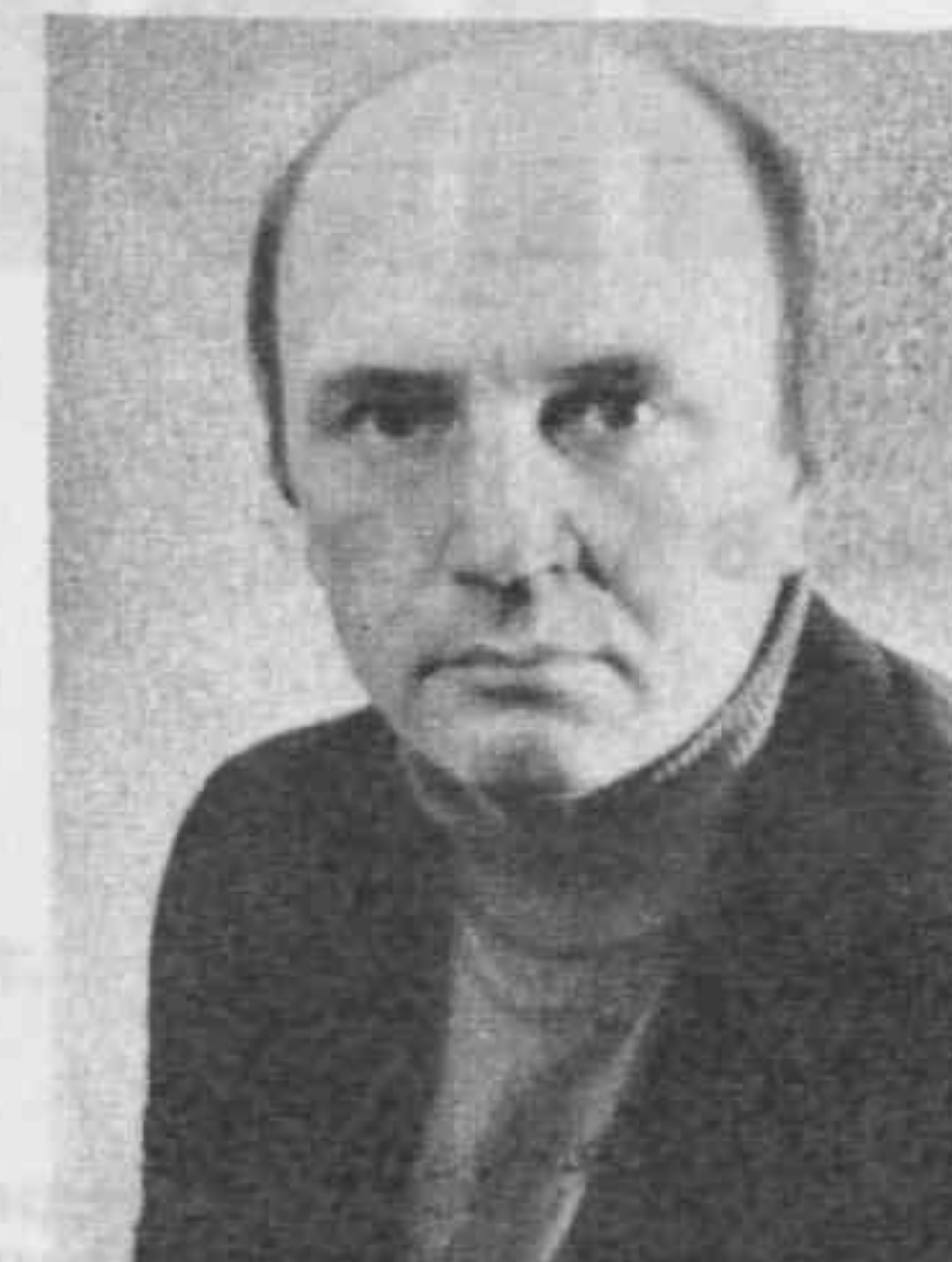
Н. Озеров.

М. Пинкиевич.

В. Полторацкий.

В. Пронин.

И. Семенов.

Ю. Семенов.

Ц. Солодарь.

Е. Суданова.

М. Танк.

Л. Томашек.

Н. Храброва.

Д. Цэдэв.

М. Числов.

Э.-О. Швабе.

А. Щербаков.

С. Ямщиков.

лизму» этого не дано» (№ 48), статья; Л. ЗЫКИНА — «Традиции народной песни» (№ 38), выступление в клубе «На «Огонек»; В. КОНДРАШОВ — «Черная ночь над Иерусалимом» (№ 32), «Узы порочного альянса» (№ 44), статья; КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ) — серия карикатур на международные темы; Г. КУЛИКОВСКАЯ — «А человек ищет...» (№ 4), «Монолог народного контролера Леонида Мартынова» (№ 38), очерки; Ф. ЛАНГЕР — «Они — мои братья» (№ 33), отрывок из книги; В. ЛЕЙБОВСКИЙ — «Как пробивают зимник» (№ 6, 11, 26, 39, 49); А. МАРКОВ — «Кондратий Рылеев» (№ 38—40), поэма; Л. МАРТЫНОВ — «Самые долгие дни» (№ 1), стихи; О. МИХАЙЛОВ — «Суворов» (№ 48), очерк; А. НАГРАЛЪЯН — «Счастье хирурга» (№ 14), цветная вкладка; Н. ОЗЕРОВ — «Спорт — наш спутник» (№ 29), статья; М. ПИНКИСЕВИЧ (Петрова) — иллюстрации к роману С. Сартакова «Свинцовый монумент» (№ 34—51); В. ПОЛТОРАЦКИЙ — «Всегда в пути» (№ 41), стихи; В. ПРОНИН — «По пустоте душевной...» (№ 13), «Убить дерево» (№ 25), очерки; П. ПРОСКУРИН — «Ранние сумерки» (№ 13—14), рассказ; А. РОМАНОВ — «Золотая свадьба» (№ 24), рассказ; Б. РЫБАКОВ — «Славы русской юбилей» (№ 36), беседа; М. САВИН — «Память Отечества» (№ 28), «Традиции

народной песни» (№ 38), цветные вклады; С. САРТАКОВ — «Свинцовый монумент» (№ 34—51), роман; Ю. СЕЛЕЗНЕВ — «Портрет и время» (№ 33), статья; И. СЕМЕНОВ — иллюстрации к собранию сочинений Марка Твена в литературных приложениях к «Огоньку»; Ю. СЕМЕНОВ — «Противостояние» (№ 22—37), повесть; Ц. СОЛОДАРЬ — «Лицемеры» (№ 9—14), «Ложь» (№ 46—49), публицистические очерки; Е. СУДАКОВА — «Весна» (№ 11), рассказ; М. ТАНК — «Я опять возвратился в юность» (№ 15), стихи; Л. ТОМАШЕК — «Корчма посреди Америки» (№ 51), статья; Н. ТОМСКИЙ — «1980 год» (№ 1), статья; Г. УСТИНОВ — «Встань пораньше!» (№ 32), статья; С. ФЕДОРОВ — «Счастье хирурга» (№ 14), выступление в клубе «На «Огонек»; Ю. ФЕДОРОВ — «Погибли в бою» (№ 19—21), повесть; В. ФИРСОВ — «Набатные колокола» (№ 23), поэма; З. ХИРЕН — «Горсть земли» (№ 24), очерк; Н. ХРАБРОВА — «Уроки» (№ 43), очерк; Д. ЦЭДЭВ — «Поезд жизни» (№ 43), стихи; М. ЧИСЛОВ — «Время зрелости — пора поэмы» (№ 26), статья; Э.-О. ШВАБЕ — «Наш тесный союз» (№ 19), статья; А. ЩЕРБАКОВ — «Хожение за металлом» (№ 35), «Когда в резерве нуль...» (№ 46), статьи; С. ЯМЩИКОВ — «Возрождение шедевров» (№ 12), «Мастера русского портрета» (№ 32), очерки.

Фото А. Бочинина

ЭТОТ СТАРЫЙ НОВЫЙ ЧЕМПИОН

Юрий ВАНЬЯТ

Это случилось в последний вечер октября в Киеве. Клокочущий кра-тер, именуемый обычно Централь-ным стадионом, услышал финаль-ный свисток бакинского арбитра Эльдара Азим-Заде, и сто тысяч человек — очевидцев матча — тор-жественными аплодисментами про-водили футболистов киевского «Динамо». Так закончилось «вели-кое противостояние» двух лидеров футбольного сезона-80: киевское «Динамо» двумя голами, забитыми Леонидом Буряком, закрепило свою победу над московским «Спартаком». К чести побежден-ных, они дружески обняли побе-дителей, тем самым молчаливо признав, что вопрос о чемпион-ской короне решен.

Официально же динамовцы с берегов Днепра стали девятикрат-ными чемпионами СССР лишь в предпоследнем туре, две недели спустя, когда с тем же счетом 2:0 и на том же поле победили один-

надцатикратных чемпионов — сво-их московских одноклубников.

Дублиеры киевского «Динамо» — тоже на первом месте. У чемпио-на — наибольшее количество по-бед и наименьшее количество по-ражений. Второй сезон подряд команду не лихорадил призрак ни-чейного лимита. Почти все почет-ные призы у чемпиона и прежде всего за атаку, за наибольшее ко-личество забитых голов (имени Г. И. Федотова), за лучшую раз-ность забитых и пропущенных мя-чей (журнала «Старт» из Киева), приз «Агрессивного гостя» за ус-пешные выступления на полях со-перников, приз Федерации Футбо-ла СССР за лучшую сумму очков, набранную основным составом и дублерами. Жаль, что пока еще не учрежден приз за лучшую беспро-игрышную серию матчей в чемпи-онате. Ныне у «Спартака» таких туров было 13, у команды ЦСКА — 14, а у динамовцев Киева — 20! Да, с 26 июня, после осечки в Ере-ване против «Арарата», чемпион-80 в течение пяти месяцев ни ра-зу не уходил с поля, опустив го-лову. А о матчах в родном городе и говорить нечего: в Киеве за весь чемпионат зрители увидели в воротах 28-летнего Юрия Ромен-ского всего один гол, да и то за-битый с пенальти ростовчанином

Сергеем Андреевым — лучшим бомбардиром турнира. Зато в во-рота гостей в Киеве влетело 39 динамовских мячей, и лишь «Тор-педо» в лице Чанова сумело отста-ять здесь свои ворота...

Все эти преимущества и приве-ли в итоге команду киевлян к ка-чественным изменениям: бронза прошлого года сменилась теперь золотом.

У любого спортивного журнали-ста, связанного с футболом, есть игроки, тренеры, арбитры, а глав-ное, команда, вызывающие осо-бые симпатии. Мои симпатии при-надлежали то федотовско-бобров-скому ЦДКА, то пономаревскому, а затем стрельцовскому «Торпе-до», то тбилисскому «Динамо», то «Арарату» при Симоняне-тренере, а перед этим — «Спартак» при Симоняне-игроке. Были у меня се-зоны увлечения лихой, поистине казацкой атакой ростовчан во гла-ве с Понедельником или периоды, когда подкупала неумная энер-гия работяги «Шахтера», «круже-ва» бывлой памяти ленинградского «Динамо» во главе с Петром Де-ментьевым и Валентином Федоро-вым.

Нельзя было в сороковые годы не восхищаться тем старым «Ди-намо», созданным талантами ныне 80-летнего Бориса Аркадьева и

70-летнего Михаила Якушина, ко-мандой, в которой сверкали удары Василия Карцева и комбинации Константина Бескова. Он же, уже как тренер, в прошлом году вы-звал восторг свежей динамичной игрой нового «Спартака». В об-щем, симпатии журналистов не-редко меняются в отличие от фа-натичных приверженцев одного клуба, «который на всю жизнь». И, наверное, это логично. Но в то же время...

Каждый раз, бывая в Киеве, я стараюсь хотя бы на несколько минут прийти на старый стадион «Динамо», постоять у скромного памятника футболистам из киев-ского «Динамо», которые были расстреляны фашистами за дер-зкую победу над «арийцами».

Шли годы, менялись поколения игроков. Но киевское «Динамо», то взлетая достаточно высоко, то ныряя в самый конец турнирной таблицы, всегда оставалось коман-дой своеобразной, яркой, интерес-ной, приметной.

Было и еще одно обстоятельст-во, как-то по-особому привлекав-шее меня к киевской команде: с ней сначала работал М. Д. Тowa-ровский — мой и многих других наставник по Высшей школе тре-неров при Московском инфизкуль-те, а многие годы спустя при Вик-торе Александровиче Маслове на-чался взлет киевского «Динамо», который — за малыми исключени-ями — продолжается и по сей день. Теперь он происходит уже под руководством Валерия Лоба-новского — тренера думающего, ищущего, порой излишне упрямо-го, порой трудного в общении, но тренера, по-новому взглянувшего на организацию сложного фут-больного хозяйства.

Из того феноменального соста-ва «Динамо»-75, завоевавшего суперкубок и прославившего весь наш футбол, теперь практически остались лишь пятеро ветера-нов — Коньков, Буряк, Веремеев, Блохин, Колотов. А рядом с моги-канами команды появилась новая поросль прекрасных спортсменов. Думаю, что мы еще не раз будем аплодировать Евтушенко, Бойко, Журавлеву, Демьяненко, Каплуну, Балтаче, Михайлову. И мы уже оценили мастерство Бессонова, Хапсалиса, Лозинского.

Главное, что наш новый по со-ставу, но старый по традициям чемпион — это команда с буду-щим, команда, так сказать, на вы-рост — для чемпионатов мира 1982 и 1986 годов.

Конечно, у команды еще много нерешенных проблем, так как все еще огорчают непонятные анемич-ные ничьи, систематические не-удачи в европейских турнирах. В обзоре, посвященном команде, за-воевавшей первенство, этот упрек может не всем понравиться, но к нему необходимо прислушаться, если киевляне хотят закрепить за собой позицию лидеров советского футбола.

Так пусть у киевского «Динамо» будет поменьше зыбких побед со-четом 1:0. Пусть откажется команда от преувеличенных обо-ронительных идей. Пусть займет достойное место в крупнейших международных турнирах. Она мо-жет на это рассчитывать.

РАССКАЗ БУРАТИНО О ТОМ, КАК У НЕГО ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ДРУГ — ОГОНЕК

— Это случилось сов-сем недавно, в новогод-ний вечер. Были всякие там салюты, сверкали бенгальские огни, искры летели кругом во все стороны, и вдруг вместе с новогодними огнями неожиданно для меня возник Огонёк! Это была наша самая первая встреча, и мы тут же крепко подружились.

— А с тобой, Огонёк, хорошо и светло и тепло. Мы сейчас пойдем на елку, и я позна-комлю тебя с моими друзьями

— Познакомься, пожалуйста, это наш олимпиец — Миша, он международный мастер по всем видам спорта.

Фото Л. ГРУБИНСКАСА [Паневежис]
и К. РЕГИНА

КТО СКАЗАЛ.
ЧТО У ЖИВОТНЫХ
НЕТ ЧУВСТВА
ЮМОРА?

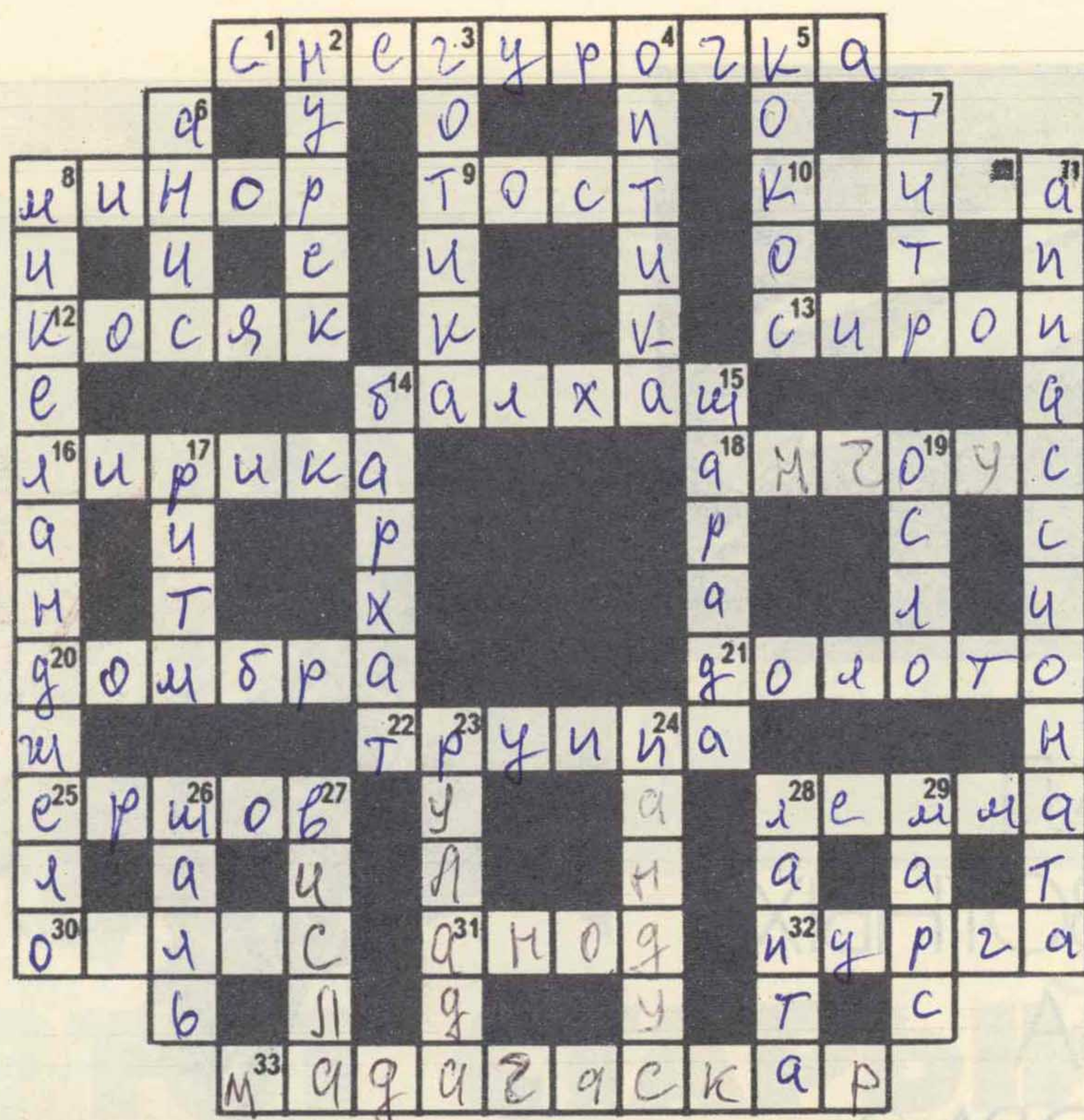

Свежий анекдот.

Точит зубы
для острых шуток.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 8. Музыкальный лад. 9. Застольная речь, здравица. 10. Рассказ М. Горького. 12. Стая рыб, птиц. 13. Концентрированный раствор сахара. 14. Озеро в Казахстане. 16. Род литературы. 18. Небольшая промысловая рыба. 20. Казахский музыкальный инструмент. 21. Плотничный инструмент. 22. Актерский состав театра. 25. Автор сказки «Конек-Горбунок». 28. Вспомогательное предложение, употребляемое при доказательстве теорем. 30. Птица семейства ястребиных. 31. Электрод. 32. Сильная вьюга. 33. Остров в Индийском океане.

По вертикали: 2. Город в Таджикистане. 3. Архитектурный стиль. 4. Раздел физики. 5. Орех пальмы. 6. Сорт яблок. 7. Надпись в кинофильме. 8. Итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт эпохи Возрождения. 11. Соната Л. Ветховена. 14. Ткань с мягким густым ворсом. 15. Загадка. 17. Чередование звуков, движений с определенной последовательностью. 19. Столица европейского государства. 23. Виртуозный пассаж в пении. 24. Наклонная площадка для въезда автомобилей в гараж. 26. Большой тканый или вязаный платок. 27. Река, впадающая в Балтийское море. 28. Русская народная игра с мячом. 29. Планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 1. Зарема. 6. «Шампанское». 9. Шоколад. 10. Атбасар. 12. Жанр. 13. Нарзан. 14. Талант. 15. Коляда. 17. Баяти. 18. Адрес. 19. Умбриэль. 20. Ягель. 22. Свирь. 24. Ксения. 27. Ельник. 29. «Метель». 30. Роса. 31. Пицунда. 32. Базальт. 33. Барабулька. 34. Нектар.

По вертикали: 2. Арпеджио. 3. Маскарад. 4. Чаплин. 5. Корбут. 7. Сказительница. 8. Исследователь. 9. Шпага. 11. Ренье. 15. Комик. 16. «Аглая». 21. Галоп. 23. Рулет. 25. Сарасате. 26. Изабелла. 28. Кунгас. 29. Музыка.

А. ХУРГИН

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Меня одолевает жажда познания. Мне все интересно. Буквально все. Интересно узнать, обсудить, высказать. А она не понимает, ругается.

Ну, такой я человек любознательный. Что делать, если мне интересно?

От Петькина жена ушла, мне интересно — к другому или к маме, с алиментами или хлопнув дверью, как разделили имущество. Интересно, пока не выясню. А она не понимает, ругается.

Говорят, что Сенькина снимут, Ванькина посадят на его место. Мне интересно, почему снимут, за что посадят, кто толкнул Сенькина, кто протолкнул Ванькина. Интересно, пока не выясню. А она не понимает, ругается.

В ЦУМе что-то дают импортное, пусть женское — все равно интересно. Качкиной крем сапожный коричневый кто-то достал —

интересно, где и кто это из ее знакомых такой всемогущий. Панькин в преферанс проиграл — интересно, что он скажет жене, что она ему. В столовой свежие салаты — очень интересно, хоть и непривычно. В Елене Петровне 100 килограммов, а она в джинсах — интересно. У Евгения Петровича 130 в месяц, а он в «Жигулях» — интересно. Генкин одолжил — интересно, кому, Зинкин сказал все, что думает, — интересно, зачем, Задов берет — интересно, сколько, Боков не берет — интересно, почему. Все интересно! Жить интересно. А она не понимает, ругается. Говорит, на работе надо работой интересоваться, говорит, интересно, когда я перестану бездельничать, говорит, интересно, где моя совесть.

Ну пусть говорит. Она начальница, ей положено. Кстати, женщина, а руководит таким большим отделом. 350 в месяц. Как ей удалось? Интересно!

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кострома. Праздник в царстве Берендея.

Фото С. Петрухина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зимняя сказка. Фото Н. Арлева ((Москва. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

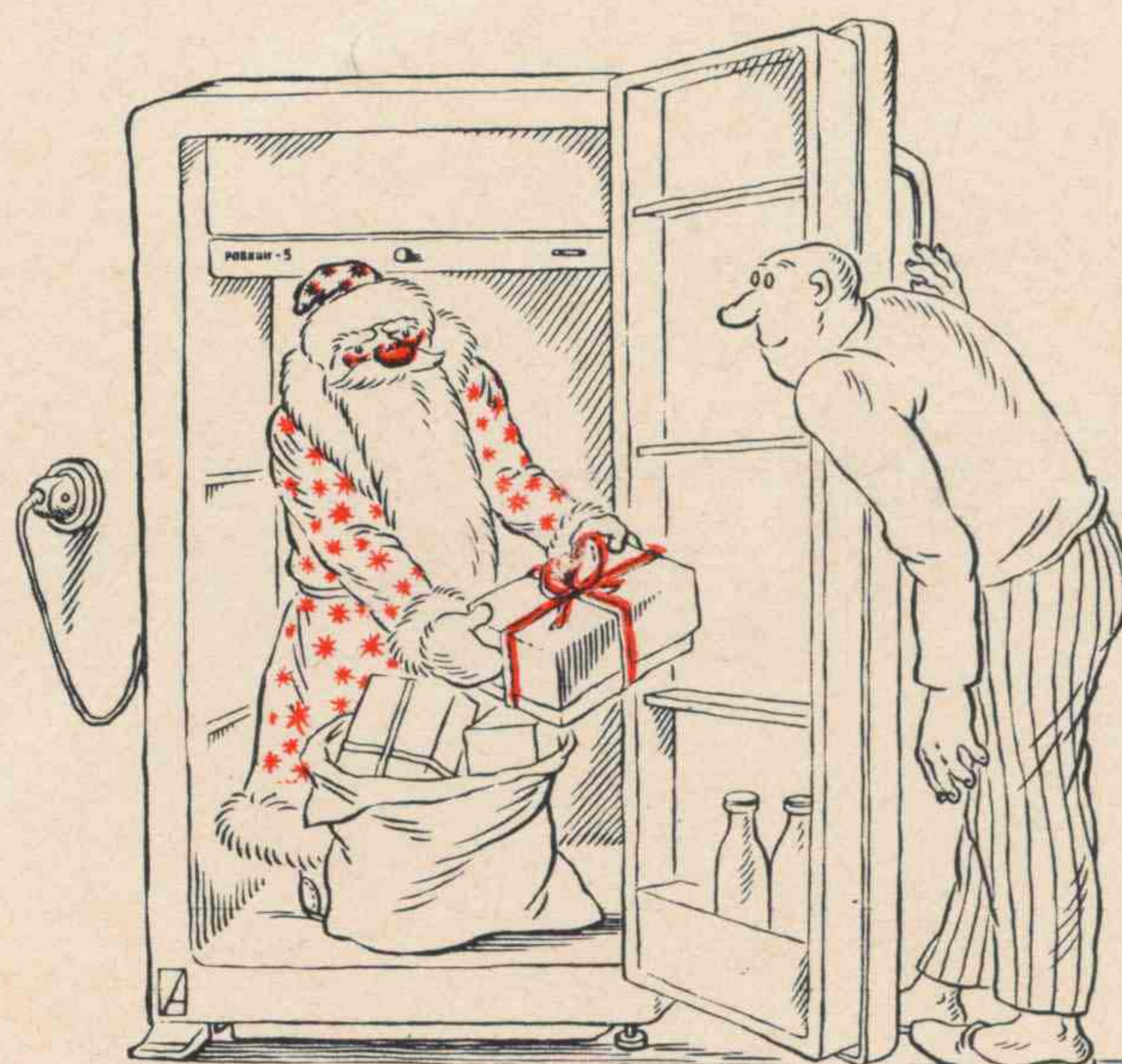
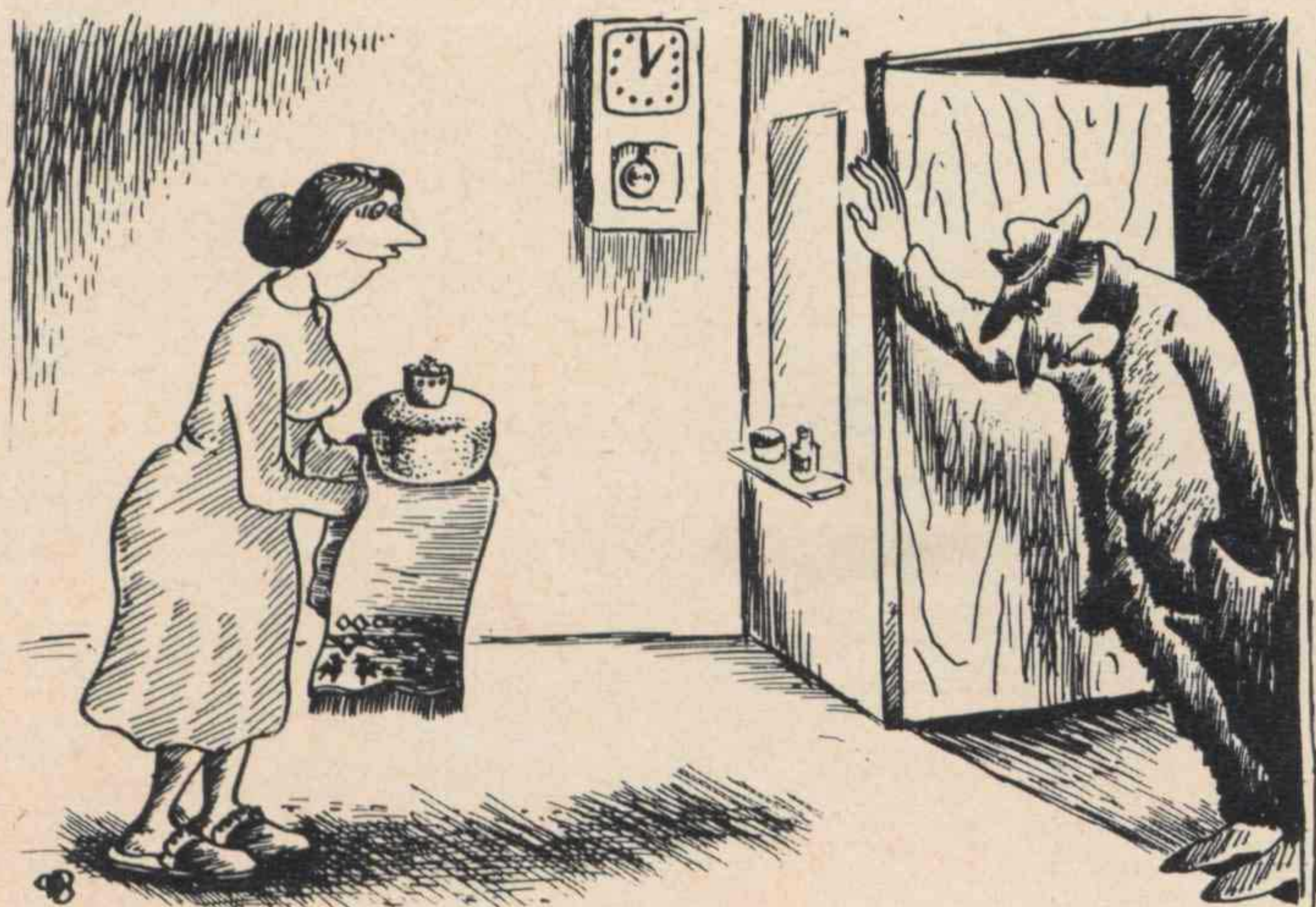

По следу. Рис. Камила Ибрагимова.

Рис. Анатолия Орехова.

Рис. Василия Дубова.

9/12-135

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спор-та — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.12.80. Подписано к печати 26.12.80. А 00480.
Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 225. Заказ № 3438.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

